

Саша Кругосветов

Живите в России

ОВРЕМЕННОКИ
И ЛАССИКИ

Саша Кругосветов

Живите в России

Серия «Современники и классики»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8871337

Живите в России. / Саша Кругосветов: Продюсерский центр

Александра Грищенко; Москва; 2014

ISBN 978-5-9905868-4-0

Аннотация

Автобиографическая проза талантливого писателя, пишущего под псевдонимом Саша Кругосветов, рассчитана на самый широкий круг читателей. Автор рассказывает как о событиях, свидетелем и участником которых ему довелось быть, так и о тех, о которых известно ему по рассказам и преданиям, о людях, чьи дела и судьбы оставили след в истории последних десятилетий...

Содержание

От автора	5
Сто лет в России	9
Живой взгляд участника событий	9
Оренбург	13
Советская власть	16
НЭП и Хибиногорск	20
Северный Кавказ	25
Великая Отечественная	31
Блокада	38
Няня	44
Послевоенная романтика	55
Как стать космополитом	62
Мои университеты	70
Агитбригада – любовь моя	83
Пока еще не оттепель	96
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Саша Кругосветов Живите в России

От автора

Эта книга написана в жанре «non-fiction», это не роман, не повесть, не рассказ, это не беллетристика, то есть – не фантазии, не вымысел. Все, что здесь описано, – не придумано, не сконструировано умом изошренного драматурга, а случилось, произошло на самом деле. Автору ничего не надо было сочинять. Жизнь – лучший сценарист, постановщик и режиссер. Мне показалось, что судьбы людей, которых мне довелось встретить в своей жизни, моих друзей и совсем не друзей, наставников, близких и далеких родственников, просто знакомых, сами по себе свидетельствуют об эпохе красноречивее любых сценических построений. Книга состоит из двух частей – «Сто лет в России» и «А рыпаться все равно надо». Первая часть – описание жизни нашей страны с 1913 по 2013 год. Вторая содержит заметки и реплики автора по актуальным вопросам современной российской жизни, написанные в период с сентября 2012 по июнь 2014. Они опубликованы в живом журнале автора (krugov_svetov.livejournal.com), в блогах «Эхо Москвы» и в журнале «Российский Колокол». Несмотря на то, что после публикации этих заметок прошло уже некоторое время, многие из них, мне кажется, еще не потеряли своей актуальности. В 2014 году обе части были изданы в виде отдельных книг в издательстве Виктора Ерофеева совместно с Продюсерским центром Александра Гриценко.

Саша Кругосветов – ровесник войны. Какой войны? – ко-

нечно, самой важной для нашего поколения – Великой Отечественной. Большинство моих сверстников в полной мере на себе испытали великие потрясения середины двадцатого, конца двадцатого и начала двадцать первого веков.

Войны, репрессии, насильственное переселение народов, компании по уничтожению «внутренних и внешних врагов», борьба с космополитами, жесткая, беспощадная диктатура «самой пролетарской на свете» партии, разрушение всего и вся – устоев, принципов, нравственности, бандитский капитализм, всевластие олигархов, циничные политтехнологии, разгул коррупции – чего только мы не насмотрелись за все эти десятилетия. И я стараюсь ничего не сглаживать, не избегать острых углов. Но ведь были и победы, были и великие достижения, было то, чем, безусловно, можно гордиться. Творческие силы и нескгибаемый дух нашего народа. Великая культура, прорыв в космос. Элита царской России была частично уничтожена, частично – изгнана и унижена вынужденной эмиграцией. Отгремела жестокая гражданская, катком прокатилась кровопролитная отечественная. И вот после страшной войны и гибели десятков миллионов поднялась обновленная индустриальная Красная Россия. Из пепла и разрухи поднимали ее миллионы, десятки миллионов красивых, терпеливых и безумно талантливых наших соотечественников. Кто они такие? Это новые рабочие, новые творцы, новая советская интеллигенция. Откуда они взялись? Откуда мы с вами взялись? Наши отцы и матери не были

ни дворянами, ни князьями, ни потомственными учеными, ни художниками, ни актерами. Народ возродился, встал как птица Феникс из пламени и пепла. Если бы вы спросили меня: доволен ли я своей жизнью? Я ответил бы – да! Да – без всяких «но». Как это прекрасно – прожить в России такую длинную жизнь. Мне посчастливилось увидеть все собственными глазами, участвовать в этой сложной, грандиозной, неподражаемой жизни моей родины. Видеть, лично знать, восхищаться, любить множество потрясающих людей. Что может быть лучше такой судьбы? Живите в России, друзья!

Сто лет в России

*Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.*

Ф. И. Тютчев

Живой взгляд участника событий

Автобиографическая проза талантливого писателя, пишущего под псевдонимом Саша Кругосветов, рассчитана на самый широкий круг читателей. Автор рассказывает как о событиях, свидетелем и участником которых ему довелось быть, так и о тех, о которых ему известно по рассказам и преданиям, о людях, чьи дела и судьбы оставили след в истории последних десятилетий... В своей книге он старается проследить нелегкую судьбу нашей страны за последние сто лет – с 1913 по 2013 год. Но не по документам, не по сводкам газет, а через судьбы близких ему людей. Это не история, это живой взгляд участника событий, который жил, любил, боролся, воспринимал победы и поражения нашего народа как свои личные победы и поражения. Автор не лаки-

рует описываемые явления. Временами его описания приобретают форму жестокой и безжалостной сатиры. Но тем не менее каждый раз мы видим эти события через флер любви и нежности, авторского сопереживания и сочувствия как к участникам этих событий, так и к судьбе родной земли. Не случайно книга начинается строками великого Тютчева: «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые!» и заканчивается словами автора: «Живите в России, друзья!»

Отрывки из книги автор публиковал в своем «Живом журнале». Публикации вызвали живой отклик в «Интернете». Вот что написал об этих публикациях Максим Свириденков Maxim Sviridenkov <max_svir@mail.ru>:

«Несколько лет назад, ещё до блогов, я делал много интервью с ветеранами Великой Отечественной. И с тех пор особенно ценю возможность взглянуть на исторические события через судьбы простых людей с их субъективными оценками и впечатлениями. Тем более что это очень даже интересно. И как раз такими воспоминаниями в своём ЖЖ делится мой френд (и, к слову, очень хороший писатель) Александр Кругосветов (krugo_svetov). Мне кажется, многим это будет действительно интересно. Прочитую несколько фрагментов, которые больше всего зацепили меня самого.

«Сто лет назад мой отец жил на окраине Оренбурга, захолустного городка царской России. Дед Мендель, набожный еврейский портной, содержал большую семью... Отец

рос как самосев в степи. Невысокий, ладный, мускулистый, упрямый... Рядом река Урал. Плавал саженками, ловил рыбу. Вокруг – станицы уральских казаков. Станичные мальчишки подкарауливали жиденка, учили жизни нехристя. Он отлавливал обидчиков поодиночке, давал сдачи».

В другом посте Александр Кругосветов рассказывает уже про деда по материнской линии и приводит такой эпизод:

«Новая экономполитика. НЭП. У деда – свое “дело”. История трагическая. И одновременно комическая. Компаньон деда – разбитной молодой человек. Часто появлялся в доме... Заморочил голову старшенькой. Обещал жениться, соблазнил под шумок. Забрал кассу – да и был таков. И нет его. Слезы, разбитое сердце первенькой. Рухнувший бизнес. Позор на всю Одессу».

А вот и фрагмент из ещё одной судьбы, очень неожиданный с точки зрения сегодняшних реалий:

«Серноводск – город маленький, все знали, к кому следующему поедет ночью черный воронок. Ждали гостей и в доме главврача. Семью спасли чеченцы... Старики в бурках пришли, заняли двор санатория. «Ты, Самуил, не ходи домой. Побудь здесь пока. Мы твоей семье сообщили. Они не будут беспокоиться. А там посмотрим». Каждый мальчишка в городе знал о чеченцах в санатории. Для энкавэдэшников это был неожиданный поворот. Могли случиться непредвиденные волнения. За это в Центре по головке не погладят. И сроки поджимают. А черт с ним, с Самуилом. Пусть живет и

работает на благо пролетарского государства».

Немало в воспоминаниях Кругосветова и не то чтобы необычного, но просто по-человечески трогательного. Например:

«Кончилась война. Стали возвращаться фронтовики. На улицах цветы, песни, гармошка. От отца известий не приходило. Один веселый военный в гимнастерке на улице обратил на меня внимание, улыбнулся, помахал рукой. Я кинулся к нему с криком: «Дядя папа!» Я ведь не помнил своего отца. Пришли известия, что части Второго Украинского задержались в Праге. Там был и отец. Там продолжались военные действия, гибли люди».

И закончу цитаты, пожалуй, таким пронзительным эпизодом, который при своей краткости даёт пищу для очень многих размышлений:

«Среди детей всегда есть тот, кого все не любят. В нашем классе это был Борька Рябой... Борька не плакал, когда говорили о смерти Сталина. Все плакали, а он не плакал. Борьку надо побить. Слава богу, не случилась эта позорная немотивированная расправа. Не знаю почему, но не случилась».

Юрий Никитин

Оренбург

Сто лет живу в России. С 1913 года. Хотя родился много позже.

Сто лет назад мой отец жил на окраине Оренбурга, захолустного городка царской России. Дед Мендель, набожный еврейский портной, содержал большую семью. От первого брака у него пятеро детей, три мальчика и две девочки. Мой отец был средним, третьим ребенком. Как раз по середине: один брат и одна сестра – старше, один брат и одна сестра – младше. После смерти моей бабки, которой я никогда не знал, дед взял в жены молодуху. Мои родители, дяди и тети звали ее тетя Муся. Тетя Муся принесла Менделю дочку. Отец рос как самосев в степи. Невысокий, ладный, мускулистый, упрямый. Ветры эпохи гнули и ломали его, а он выпрямлялся и креп. Рядом река Урал. Плавал саженками, ловил рыбу. Вокруг – станицы уральских казаков. Станичные мальчишки подкарауливали жиденка, учили жизни нехристя. Он отлавливал обидчиков поодиночке, давал сдачи. Взрослые были более снисходительны. Многие шили форму у его отца. Хоть и жидовская семья, а люди, может, и неплохие. Смотри, говорили они, как Яшка джигитует. На полном скаку умел он сигануть с лошади и, коснувшись ногами земли, запрыгнуть на седло задом наперед. А потом сесть прямо. Мне трудно представить себе обстановку

в семье деда. Знаю, что Мендель твердо соблюдал еврейские праздники. На пасху читал Тору, на стуле под собой прятал мацу. Дети пытались ее украсть. Такой обычай. Кому удастся – получал выкуп за мацу. Дед притворно сердился, никого к себе не подпускал, но кто-нибудь обязательно добирался до мацы. Как будто бы дед прозевал. Часто ли отец бывал дома? Насколько усвоил патриархальный быт еврейской семьи? Не знаю. Не усвоил он ни заповедей Моисея, ни еврейских праздников, ни веры в своего еврейского бога, ни языка идиш, второго языка в еврейских семьях царской России. Но почему-то немного научился у отца шить. Это я точно знаю. Был период после Великой Отечественной, когда мы жили очень скромно, и отец несколько раз шил мне, школьнику, брюки. Неплохо шил. Отпаривал брюки отменно. И меня научил. Умею до сих пор. Еще умудрился окончить начальную школу. Добивал школьное образование уже после гражданки. И непонятно, как вынес он из семьи своего отца правильную русскую речь. Без акцента. И ни одного бранного слова! Мой отец, прошедший за свою жизнь три войны... Такая же правильная речь была у дядьев и теток, людей очень простых, с начальным, впоследствии – со средним образованием. Это среднее образование, которое они получили, – всецело заслуга советской власти, давшей дорогу простым людям, независимо от национальной принадлежности. Я никогда не слышал в своей семье ни слова задница, ни поссать, ни даже – отлить, ничего, ничего похожего, ни слов, ни шу-

ток, ни намеков, ни скабрзностей, ни эвфемизмов¹. От отца слышал только правильную русскую речь. Непонятно, где он разыскал ее, как отфильтровал и усвоил на сквозняках тревожного и трагического двадцатого века.

¹ Эвфемизм – более мягкое слово или выражение вместо грубого или непристойного.

Советская власть

Отцу стукнуло четырнадцать лет, когда началась гражданка. Попал в Красную армию. Взяли конным вестовым. Вот и джигитовка пригодилась. Имел красноармейскую книжку, которая сохранилась у меня до сих пор. Были трудные задания, были и погони, но господь миловал шустрого смышленого парнишку. Потом работал на фабрике. Учился. Занимался вокалом. Его толкали, убеждали. Тебя ждет опера. У отца был потрясающий баритональный бас. «Ни сна, ни отдыха измученной душе. Мне ночь не шлет отрады и забвенья. Все прошлое я вновь переживаю, один в тиши ночей». Какой микс! Все перемешалось – революция, диктатура пролетариата, атеизм, проклятая буржуазная культура. Отец становится советским выдвиженцем. Понятно и естественно. Он ведь из рабочих. Кто есть портной? Не крестьянин, не помещик, не генерал, не служащий. Значит – рабочий. Окончил школу, попал на завод в Петроград. Помог перебраться туда же немолодому отцу с братьями, сестрами. Как тогда жили? Освобождались огромные буржуйские квартиры. Комнаты по тридцать – сорок метров перегораживались. В каждую такую комнату поселялась многодетная семья. Таких комнат в одной квартире могло быть и десять, и двадцать. До сих пор помню фантасмагорию коммуналок. Помню квартиру (вернее, комнату в общей коммунальной

квартире) деда на Боровой. Я заходил туда после войны, пока дед был еще жив. Какое пение? Тем более опера. Страна бурлит. Дел невпроворот. Отец вступает в партию. Ленинский призыв. Очень верит, все теперь делается для трудового народа. Работающий, организованный, порядочный, участник гражданской войны, член партии, его быстро выдвигают на руководящую работу. Отец хотел получить образование. Начал учиться в институте. Забегая вперед, скажу, что его мечта о высшем образовании так и не сбылась – стройки коммунизма, особые партийные поручения... «Ты мне скажи, Яков, что тебе важнее – институт или партийный билет? Ты должен ехать туда, где нужен партии». Строительство Хибинского горно-обогатительного комбината. Апатиты. Потом финская война. А там и Отечественная подъезжала на всех парах. Труба зовет и зовет. И вот уже не слышно и трубы – грохот, взрывы, смерть товарищей, ежедневный ратный труд, который может закончиться только сырой землей или долгожданной победой. Но это будет позже. А пока – счастливый для скромного еврейского паренька рассвет молодой советской власти. То, что в ту пору свершилось уже море злодеяний и смертельных схваток ядовитых змей под ковром, накопилась длинная история сведения счетов между основоположниками «светлого будущего», что в те времена уже созрел и показал свою коварную силу мрачный восточный гений Кремля... Как это было далеко от них, новой советской поросли, и совсем непонятно. Молодые выдвиженцы не задумывались об этом, не ви-

дели, не осознавали. Для них все было просто. Вот она, бурлящая, молодая, ежедневная, такая открытая, такая безыскусная, такая бескорыстная, честная жизнь. Работай, делай сказку былью. Тебе открыты все пути-дороги. Ты молодой, сильный. У тебя все получится. Прекрасная молодая страна. Мы рождены...

Остались позади – годы нищеты, унижений, черта оседлости. Национальное неравенство. Теперь – никакого угнетения. Никаких религий. Никаких наций. Мы советские люди. Нас ведет партия во главе с товарищем Сталиным. Он – такой же, как мы. Простой и понятный. Но еще – мудрый и прозорливый. Можем ли мы сейчас осуждать молодых, горячих, искренних, наивных и неискушенных? Сколько людей с Запада было очаровано новой русской идеей всеобщего братства! Вот он – город солнца, который вот-вот построят. Коминтерн (Третий Интернационал). Все ждут всемирной пролетарской революции. Коммунистическая идея популярна во всем мире. Вайян-Кутюрье – французский писатель-коммунист. Анри Барбюс «Иосиф Сталин». «Он – подлинный вождь, человек, о котором рабочие говорили, улыбаясь от радости, что он им и товарищ, и учитель одновременно; он – отец и старший брат, действительно склонявшийся надо всеми. Вы не знали его, а он знал вас, он думал о вас. Кто бы вы ни были, вы нуждаетесь в этом друге. И кто бы вы ни были, лучшее в вашей судьбе находится в руках того другого человека, который тоже бодрствует за всех и ра-

ботает, – человека с головою ученого, с лицом рабочего, в одежде простого солдата». Анри Барбюс, французский писатель, журналист и общественный деятель, лауреат престижной французской Гонкуровской премии, поет хвалу Великому Сталину, пишет от души, пишет то, что думает. Что же мы хотим от наших неискушенных простодушных отцов?

НЭП и Хибиногорск

Мать – из Одессы. Мой дед по материнской линии – огромный породистый красавец блондин. Фамилия – Кох, непопулярная, прямо скажем, в годы войны. Забегая вперед, скажу, что мать не меняла фамилию при замужестве и это, как выяснилось, оказалось не самым правильным решением. В семье было три дочери и один сын. Дети хорошо одеты, девочки – все в рюшечках. Бабушка – человек с характером, на ней все держалось. В семье не было ничего еврейского, кроме происхождения. Ни языка, ни религии. Не знаю почему. Все говорили на прекрасном русском языке, даже без малороссийского акцента. Тоже не могу сказать, почему так получилось. Моя мать, Люба – средняя из дочерей. Самая удачная. Любили больше всего Галю, младшую и, как считалось, – самую красивую. Когда я уже что-то стал понимать, это показалось мне совсем не очевидным – мать значительно интересней Гали, возможно, в силу большей одухотворенности всего ее облика. Старшая из дочерей Дора, она же и старшая из детей, была, естественно, первенцем, ее любили по привычке, по инерции. Дора – неудачливая, ее жалели, опекали и оберегали. Сын Семен, мой дядя, высокий как его отец, нескладный, застенчивый, ни к чему не приспособленный, хотя учился неплохо, он – единственный в семье, кто получил инженерное образование. На матушку в отчет до-

ме не обращали внимания – умная, веселая, неунывающая, самостоятельная, живая, контактная, неконфликтная, хорошенькая – сама пробьется. В годы военной эвакуации, когда деда уже не было... Мужья дочерей на фронте. Бабушка осталась с тремя дочерьми и тремя внуками... Все легло на ее немолодые плечи. Бабушка – гипертоник, уральское высокогорье – не для нее. Бедная бабушка. Вечером сидели всей семьей за столом, она смеялась, шутила... Внезапно все закончилось на глазах у дочерей. Жизнь прервалась в полете. Язык заплетался, бабушка успела сказать только одно: «Люба, береги Дору и Галю». И ушла. Сказала то, что было для нее самым важным. Она знала, что во всем может положиться на Любу. Но это будет позже. А пока в семье бабушки и дедушки все неплохо. Дети учатся. В стране – Новая экономическая политика. НЭП. У деда – свое «дело». История трагическая и одновременно комическая. Компаньон деда – разбитной молодой человек. Часто появлялся в доме. Проводил время в обществе трех барышень на выданье. Может, и не такие красавицы, но чистенькие, опрятные, интеллигентные. Любо – дорого. Заморочил голову старшенькой. Обещал жениться, соблазнил под шумок. Забрал кассу, да и был таков. И нет его. Слезы, разбитое сердце первенькой. Рухнувший бизнес. Позор на всю Одессу. По этой ли причине, по какой другой, наскребли последние денежки; семья отправилась в Петроград. Таков сценарий провидения. Вначале жили в коммуналке на Моховой, потом на Старом Нев-

ском. Как сводили концы с концами – трудно сказать. Дети – взрослые, дочери учились, сын уже работал. Безутешную «брошенную и покинутую» сразу по приезде выдали замуж. Нашли невзрачного еврейского человечка. Добрый, кругленький, неюный. С потрясающей коммерческой жилкой. Такое часто встречается в народе Книги. Он был коммерческим директором мебельной фабрики и неплохо обеспеченным человеком по тем смутным временам. Его осчастливили браком. Как согласилась Дора – не знаю. Возможно, понимала, что такой брак необходим, чтобы решить семейные финансовые проблемы. Она никогда не выглядела счастливым человеком. Я не видел, чтобы она улыбалась. Но женой была хорошей. На сторону не смотрела. Старалась хорошо содержать семью. Родила дочку – первую внучку в большой семье. Всеобщую любимицу. Но мужа держала в строгости. Эта традиция – держать мужа под каблуком – стала устойчиво передаваться по женской линии тетушки Доры.

Вскоре деда забрали энкавэдэшники. Забирали всех нэпманов, экспроприировали золото. И его, неудачливого нэпмана, тоже забрали. Нэпмана, у которого украли «дело», деньги и честь старшей дочери. А этим – что? Вынь да положь! Недавно побывал в Соловках. Ходил, думал, где мог быть дед? Где содержался, в каком корпусе? Мать забросила учебу. Бегала по инстанциям. Ездила в Одессу и почему-то в Ростов-на-Дону. Собирала какие-то справки, ходила на прием по кабинетам. Доказывала, что они давно уже не

нэпманы, не буржуи, а честные трудящиеся. Не знаю, она ли этого добилась. Или вертухаи в те времена еще не потеряли окончательно голову от запаха крови. Но дед вернулся домой. Тогда еще такое было возможно. Денег у него не было. Почему простили его, оставили в живых? Может, это вертухайская ошибка? Я знаю, что многие вертухаи первой волны были расстреляны в Соловках. Может, потому что поотпускали чьих-то бабушек и дедушек. Не сообразуясь с важными резонами величайшей пролетарской справедливости.

Однако недолго музыка играла в старой коммуналке на Невском. Дело в том, что в Соловках деда много раз пропускали через «парилку». В небольшое помещение ставили узкие скамьи, поперек скамей садились арестанты, вплотную живот к спине. В помещение пускали пар. Чтобы помучились. Чтобы осознали: надо отдать несправедно нажитое стране трудового народа. Дед вернулся из Соловков с тяжелой астмой. И вскоре скончался.

Мама была барышней на выданье. До сих пор у нас хранится ее портрет, написанный сангиной безымянным поклонником, сделавшим, как говорят, блестящую карьеру. В семейном альбоме хранится портрет элегантного скрипача, тоже имевшего, видимо, интерес к моей матушке в девичестве. Но вышла она замуж почему-то за моего отца. Куда более скромного человека, не очень образованного, далеко не красавца, старше ее на восемь лет. Может, напуганная перипетиями жесткой действительности времен пролетарской

диктатуры, моя матушка, мудрая даже в молодые свои годы, сознательно выбрала успешного и достаточно влиятельного в те годы советского выдвиженца. А может, действительно, разглядела в нем благородную натуру, силу и мужество характера, искренность и особую мужскую статью. Мне трудно об этом судить. На фотографиях тех времен, снятых, когда меня еще не было, – во время отдыха моих родителей в Крыму, на Кавказе, среди сугробов Хибинского горного массива, куда отца направили по призыву партии, – я вижу абсолютно счастливую пару. На фоне сверкающего снега смеющийся, раздетый до пояса отец везет в огромной тачке свое сокровище – мою мать в легком крепдешинном платье. Жизнь им улыбается. Это пара, семья, союз двух непростых людей, людей очень нелегкой судьбы. Их открытое, бережное, самоотверженное и беззаветное отношение друг к другу, как в минуты радости, так и в периоды труднейших жизненных испытаний, всегда было и останется для меня примером и идеалом отношений мужчины и женщины.

Северный Кавказ

Советская власть дала возможность многим получить ранее недоступное высшее образование. Самуил в двадцатые годы закончил медицинский и уехал по распределению из родного Ростова-на-Дону на северный Кавказ. Работал в больницах, в санаториях в Серноводске, Железноводске, Пятигорске. Ростовская мишпуха² мечтала, чтобы мальчик, наконец, остепенился, чтобы взял хорошую девочку из своих. У Самуила был собственный взгляд на жизнь. Прежде всего – медицина. Медицина – его призвание. За невзрачной внешностью скрывался сильный, волевой характер. Он был хорошим врачом. Организованным, знающим, умеющим провести свою линию в лечении больного. У него были чутье, интуиция. И, самое главное, он любил своих больных. Потому и чувствовал их хорошо. Потому и стал успешным врачом. И прекрасным администратором. Поочередно возглавлял несколько санаториев. А что касается еврейской жены – нет уж, увольте. Знаю я ваших жен. Спят до середины дня и к двум часам произносят первые слова: «Сема, у меня все болит!». Самуил Тонечку Федотову любил. Из образованной, обеспеченной, интеллигентной семьи. Чего только не было намешано в этой семье – и русские корни, и терские казаки, и грузинская кровь там была, может – и капелька ту-

² Мишпуха – семья, компания (*одесский жаргон*).

речкой. Тонечка младшей из двух сестер была. Не такая красивая, как старшая Таня. Но, боже, что это была за девушка.

Тонкая, женственная. Худенькая, стройная, с грустным лицом мадонны. Ну, чисто Вера Холодная. Играла на фортепиано, пела тихим голосом. Вела дневник, писала стихи. Сема твердо знал, что ему нужно в жизни. Да и как он мог не влюбиться в Антонину? Если этот очерк читает сейчас кто-то из молодых людей, прислушайтесь к совету старшего товарища. Доведется вам в жизни встретить женщину с тихим голосом, неговорливую, со скромно потупленным взором задумчивых глаз, спрятавшихся за длинными ресницами, не отмахивайтесь, не пройдите мимо редкой удачи. Именно за этой неброской красотой, именно за таким тихим обаянием прячутся самые сильные, верные, самоотверженные и пылкие женские натуры. Именно они дарят своему избраннику самые жаркие объятия и на всю жизнь становятся ему верной опорой.

Самуил с Тоней поженились. Тоня родила двух мальчиков Вову и Мишу с разницей в возрасте два года. Главврач был уважаемым человеком. Его семье дали трехкомнатную квартиру. Самуил уступил одну комнату одинокой женщине, врачу своего санатория. Решил, что им и двух комнат хватит. Антонина была гостеприимной хозяйкой. Двери настежь. В доме – аскетически просто: больничные койки, шкаф, стол, стулья. Никакой другой мебели. Зато – фортепиано и прекрасная библиотека. Зато в доме много гостей. Медлитель-

ная Антонина вставала в шесть утра, бежала на рынок, готовила. Всех успевала накормить. В их семью мог прийти любой человек с просьбой о помощи. А еще заходили наглые бабки – Тоня, дай денег. Антонина совала им деньги. Если денег не было, давала продукты, молоко, яйца, все, что было. Никому не могла отказать. В доме останавливались знакомые и малознакомые, приехавшие на курорт. Все, кроме родни Самуила. Те не смирились с его браком. Так и не признали Антонину и ее детей. Дети почти не были знакомы с родственниками отца. А вот с красавицей Таней, тетей Таней, у ребят всю жизнь были самые близкие отношения. Забегая вперед, скажу, что с тетей Таней Миша делился всем, чего и матери родной не говорил.

Мальчиков учили музыке, рисованию. Ребята были очень способные. Прекрасно учились в школе. Точные предметы хорошо давались обоим. Старший Володя занимался на скрипке. Прекрасно рисовал. Мог одним росчерком, одной линией создать образ человека или наметить пейзаж. Младший Миша занимался на фортепиано. Но мальчики не были забалованными домашними детьми. Пойдем обстановку теплого, южного, курортного города. Обстановку вечного праздника. Обилия отдыхающих. Приезжих из больших городов. Обилия фруктов. Обилия соблазнов. Как и все местные ребята, они носились по улицам, дружили с кавказцами, ходили в горы, лазали по деревьям, собирали шелковицу. Мальчишки росли сорванцами. Гонялись друг за другом,

Вовка захлопнул перед Мишкой дверь – бамс! – вместо носа – огромная картошка. Так и прожил Мишка жизнь со сломанным искореженным носом. В другой раз опять Мишка бегал за Вовкой, пугал горячим утюгом, догнал и приложился к попе, у Вовки на всю жизнь остался след от утюга. Антонина решила получить образование, поступила в медицинский институт. В первый же день ее занятий вечером соседи сообщили, что видели, как ее милые мальчишки гуляли по карнизу четвертого этажа. Какие занятия, какая учеба? Ой, напрасны, видать, Тонечкины мечты получить образование, напрасны мечты вырастить из мальчишек музыкантов, литераторов, художников, врачей. Не суждено было сбыться этим мечтам. Младший Мишка получился особенно разбитным. Живой, веселый, смешливый, очень добрый, а потому и всеми любимый – и сверстниками, и взрослыми. То ли от постоянного пребывания на солнце, то ли от природы, он был не просто загорелым – черным. Таким, какими бывают индусы. Мишка-черный – звали его друзья. И эта кличка сохранилась за ним до последних дней.

Мише нравилось играть в бильярд. Он считал, что должен все уметь делать лучше других. В санаторий иногда приходили профессиональные бильярдисты. Один из них взял шефство над ловким парнишкой и неплохо обучил бильярдным приемам. Перед самой войной невысокий десятилетний мальчишка уже очень неплохо играл. Когда появлялся кто-то, желающий сыграть на деньги, какой-нибудь новый

гастролер, в ход пускался любимый прием Мишкиного бильярдного шефа. Куда тебе, говорил он. Сыграй-ка для начала вон с тем пацаном. Народ слетался на это излюбленное представление. «Пацан» залезал на стул. Потому что с пола он не мог достать до шара. И, к всеобщему удовольствию, разделявал гастролера под орех. Да, не похож был Мишка на будущего пианиста или литератора.

В стране беспокойно. Не всегда было спокойно и в этом богом хранимом доме. Загремел, загрохотал, взорвался раскатами грома страшный тридцать седьмой. «О, как же я хочу, нечуждый никем, лететь вослед лучу, где нет меня совсем!» – писал Мандельштам. Не улететь нам с вами, Осип Эмильевич, не скрыться, не стать лучом невидимым. В местное НКВД поступила разрядка. Нужно выявить и арестовать столько-то тысяч скрытых врагов народа. Часть – под расстрельную статью, часть – в ГУЛАГ. Созданы тройки. Готовились аресты. Составлялись списки троцкистов, антипартийных группировок, кулаков, пособников белогвардейцев, шпионов, военных специалистов, ведущих подрывную работу, вредителей, других социально далеких. Поговорим с ними по душам, сами все и подтвердят. Серноводск, город маленький, все знали, к кому следующему поедет ночью черный воронок. Ждали гостей и в доме главврача. Семью спасли чеченцы. Они любили Самуила. Решили помочь. Старик в бурках пришел, сели во дворе санатория. «Ты, Самуил, не ходи домой. Побудь пока здесь. Мы твоей семье сооб-

щили. Они не будут беспокоиться. А там посмотрим». Каждый мальчишка в городе знал о чеченцах в санатории. Для энкавэдэшников это был неожиданный поворот. Могли случиться непредвиденные волнения. За это в центре по головке не погладят. И сроки поджимают. Черт с ним с Самуилом. Пусть живет и работает на благо пролетарского государства. Он ведь хороший врач? Ну, пусть трудится. Отчитаемся по разнарядке без него. Возможно, так все и было. Может быть, чеченцы просто спрятали где-то на время главврача, его жену и детей. Так или иначе – для семьи Самуила гроза прошла стороной. Надолго ли? Трудно предположить, как развивались бы события дальше. К порогу подошла огромная, жестокая, безжалостная война. Которая перемешала всех и вся, нарушила планы строительства «мирной» жизни советской страны. В войну пошел на северный Кавказ поток раненных с фронта. Санаторий преобразовали в военный госпиталь. Самуил, главный врач санатория, стал начальником госпиталя. Его назначению не помешало непролетарское происхождение.

Великая Отечественная

Участие отца в Финской войне было для меня малоизвестным эпизодом. Возможно, он недолго в ней участвовал или не на главном участке фронта. Отец мало об этом рассказывал. Говорил что-то о финских снайперах на вершинах сосен, о том, как ловко финны кидали ножи. Остальное неотчетливо. А вот Великая Отечественная коснулась нас в полной мере. Перед самой войной родители получили свою жилплощадь. Отцу, как руководителю довольно высокого уровня, выделили двухкомнатную квартиру на Литейном. Мама уже носила меня. Отец решил, что отдельная квартира нужнее некому его сослуживцу, у которого ребенок уже был. И уступил. А себе взял комнату в коммуналке, тоже на Литейном. Коммуналка, правда, не многонаселенная, и тоже двухкомнатная квартира. Комната – большая, тридцати с лишним метров. На четвертом этаже без лифта. С печным отоплением. Прожили родители там поначалу совсем недолго. Грянула война. Отец готовил эвакуацию своего завода на Урал. Он отправил всю большую семью бабушки (теток, их мужей и детей, дядю) в Свердловск, так в советской России назывался Екатеринбург, а вслед за ними и маму с животом. Матушка разрешилась мною по дороге. Ну не в поезде, конечно. Когда начались роды, ее срочно высадили в Галиче Костромской области, где я и появился на свет

божий в августе 1941. Так я побывал в старинном городе Галиче один единственный раз. Потом мама самостоятельно с грудняшкой добирается до Свердловска. Еда ужасная. Едет в теплушке. Помыться негде. Ребенок, то есть я, – весь в коросте. Вместо кровати – деревянное корыто. Кругом мужики – военные, командированные по разным причинам с фронта. Солдаты, расположившиеся на всех уровнях – внизу, на вторых и третьих полках – залезают за пазуху, выгребают вшей и бросают вниз. Мать плачет. Со второй полки голову свешивает сердобольный раненный офицер, отпущенный домой на побывку: «не плачь, мамаша, сын вырастет, богатырем станет». Как в воду глядел, недалек был от истины – мужик из меня вырос здоровенный. Со временем. А тогда – что было, то и было.

Когда мама воссоединилась с бабушкой, быт, видимо, как-то стал налаживаться. Хотя с едой, конечно, были проблемы. Как у всех в те времена. Вскоре на Урал переехал со своим заводом отец. Видимо, с гордостью мама показывала отцу худосочного недокормленного младенца. Так всегда женщины показывают новорожденного любимому мужу. Ну, и опять семейное счастье моих родителей было недолгим. Отец, всегда и во всем уступавший матери и внимательно прислушивающийся к ее мнению буквально во всем, в критические моменты жизни был очень решительным человеком. Будучи заместителем директора огромного завода, имевшего оборонное значение, имея бронь, имея солидный

возраст, ему тогда было 38 лет, он отправляется добровольцем на фронт. Рядовым. Матери сообщает об этом перед самым отъездом.

Что я сам могу вспомнить из того времени? Почти ничего. Темная лестница. Какие-то бревна, почему-то сложенные на лестничной площадке. Белый котенок играет среди них. Смотрит на меня. Моя будущая жизнь, и светлая, и беспокойная, всякая, смотрит на меня через его детские звериные глаза. Остались рассказы. Как мать стала курить. Махорку. Другого не было. Как скончалась бабушка. Как ждали редкие письма с фронта. Как слушали «Жди меня и я вернусь», надеялись и тихо плакали. Как дети жадно хватали еду, когда в доме была еда. Быстро глотали и рычали, не в силах дожидаться следующей ложки каши. Так жила вся страна. Сохранились выцветшие фотографии того времени. Осунувшаяся, не похожая на себя мать. Одни глаза, рано постаревшее, измученное лицо. И страшный, худой заморыш. Это я. Та же мука в глазах, что и у матери.

В 44-м вернулись в свою квартиру на Литейном. Все вещи, мебель были вынесены. Соседями, жившими на этаж выше. Мать ни с кем не разбиралась. Начинала жизнь с нуля. Помогали сестры и брат. Кончилась война. Стали возвращаться фронтовики. На улицах цветы, песни, гармошка. От отца известий не приходило. Один веселый военный в гимнастерке на улице обратил на меня внимание, улыбнулся, помахал рукой. Я кинулся к нему с криком: «Дядя папа!». Я

ведь не знал своего отца. Пришли известия, что части Второго Украинского задержались в Праге. Там был и отец. Там продолжались военные действия, гибли люди. А у нас началась мирная жизнь. Стали открываться магазины. Запомнилось событие: открылась булочная на Литейном. Я и сейчас ее помню. Почему-то самое сильное детское впечатление – батон на столе. Булка – так говорили в Ленинграде.

Папин командир был проездом в Ленинграде: «Жди мужа, Любочка, скоро приедет. Твой Яша Героем возвращается. Все документы оформлены». Если бы так все и было. Возможно, не было бы потом многих проблем нашей семьи. Но получилось по-другому. Где-то в штабе представление к Звезде Героя поменяли, отца наградили орденом Красного Знамени. Отец никогда за себя не хлопотал, к фронтовому командиру не обращался.

Кто тогда об этом думал? Война закончилась. Отец цел-невредим. Почти все целы. У отца из огромной семьи погиб один старший брат. Любимый младший брат Боря вернулся из плена. Он выдавал себя за татарина и так спас себе жизнь. Какое счастье! Вся большая бабушкина семья в сборе. Нет только самой бабушки. Отец веселый, могучий. Поет арии, всех подряд затанцовывает. Берет в охапку маму и двух ее сестер, поднимает и кружит в вальсе. Папу все боготворят. Он – настоящий герой. Грудь в орденах. Двенадцать боевых наград. Выпивает залпом из горла бутылку водки за Победу.

Сколько всего осталась в прошлом. Позади контузия – ря-

дом взорвалась мина. Паралич левой части тела. Чуть восстановился в госпитале – бросился догонять свою часть. Левая половина лица долго оставалась неподвижной. На одной из фронтовых фотографий видно, что лицо перекошено. Отец был старше других фронтовиков, его звали «бате́й». Судьба берегла его от пули. Но жизнь могла прерваться и по другой причине. Отец был связистом. Однажды под Курском ему с группой бойцов дали задание – наладить связь между нашими подразделениями. С катушками за спиной и автоматами они должны с боем пройти через слоеный пирог русских и немецких позиций и вернуться в расположение своей части. До этого уже было отправлено несколько групп, все погибли. Бой продолжался несколько дней. Задание выполнено. Отец возвращается, заходит доложить в штаб. Незнакомый офицер разглагольствует: «Мы здесь жизнью рискуем, а жи́ды по тылам отсиживаются». Отец бросается на него, бьет кирпичом по ненавистному лицу. Отца ждет трибунал. По законам военного времени – расстрел. Что сделал командир, чтобы спасти его? – не знаю. Историю как-то замяли. Как обошли Смершевцев, тоже не знаю. Бог отвел. И неизвестный мне командир. Отважный, благородный человек. Который при этом лично рисковал. Отец получил очередную награду. А зимой 45-го его представили к Герою за форсирование Одера. Красная Армия захватила плацдарм на другом берегу. Надо было дать связь. Ползли с катушками по льду. Рядом с отцом рванула мина, лед разо-

шелся, и тяжеленная катушка потащила вниз, под воду. Молоденький мальчик-связист из его отделения опустил в воду шест, отец успел за него ухватиться. Повезло. Вылез из ледяной воды. Отделение двинулось дальше. Связь дали. Так рассказал мне отец. За эту операцию он был представлен к Герою.

Недавно мой сын на сайте «Общедоступный банк документов “Подвиг Народа в Великой Отечественной войне 1941-45 гг”» нашел копии подлинных документов, представляющих отца к наградам. Посмотри, говорит, дед у нас терминатором был. Вот, что было черным по белому аккуратным почерком написано в официальном документе, по которому отец получил орден «Красного Знамени»:

«Гвардии старшина – фамилия, имя, отчество – при форсировании реки Одер и штурме сильно укрепленной обороны на территории Германии проявил исключительное мужество, самообладание, отвагу и героизм.

Командуя отделением связи, личным примером воодушевил своих подчиненных на боевые подвиги.

Неоднократно сам лично ходил на устранение порывов линии связи.

26.1.45 года при выполнении боевого задания в упор расстрелял 5 гитлеровцев – и связь была дана своевременно.

Гвардии старшина – фамилия, имя, отчество – за форсирование реки Одер и участие в штурме сильно укрепленной обороны противника достоин Высшей Правительствен-

ной награды – присвоения звания Героя Советского Союза, вручения ордена Ленина и знака особого отличия – медали “Золотая Звезда”».

Вернемся в те послевоенные годы. Теперь все позади. Теперь бы жить да жить. Может быть, это были лучшие годы нашей семьи. Но тоже очень непростые годы.

Блокада

*Здесь нет вопросов и решений нет,
но есть богатство и стальной порядок:
ты жил, как выбрал – в гуце, в стороне, —
теперь ложись, а кто-то станет рядом.*

Е. Клячкин

Дуся, кряжистая, крепкая, жизнеспособная, с маленькими глазками, с явственными следами татаро-монгольского нашествия на лице осталась в блокаду одна с двумя девочками-подростками десяти и двенадцати лет на руках. Вначале девочек отправили в эвакуацию. Слухи дошли, что бомбят детские поезда. Дуся рухнула в ноги начальнику: «никуда не уйду, отпусти за девочками!». Выбила командировку, разыскала дочек на Валдае и забрала обратно в Ленинград. Там и прожили девочки с матерью всю блокаду.

Дуся – из Торжка, из зажиточной крестьянской семьи. Средняки в прошлом. Дуся – угрюмая, молчаливая. Мускулистая, сильная. С большими неженскими руками и ногами. Образование – четыре класса церковно-приходской школы. Муж ее Николай, высокий красавец. С огромными карими глазами. Познакомила их мать Николая, шустрая, ходовая бабенка, трактирщица в прошлом, что иногда приезжала из Питера в Торжок. Дусе двадцать два, засиделась в девках по

тем временам. Был у нее жених. Непутевый, под пьяную лавочку бегал по улицам с ружьем, стрелял, куда ни попадя. Надо было избавляться от такого женишка. К тому же, Дуся и не любила его. Хорошо бы выдать за городского. Родители сосватали молодых, да и поженили. Жили часто врозь. Николай в Питере, Дуся в Торжке. Без любви жили. Но двух девчонок соорудили. Девчонки жили, конечно, с матерью. Семье удалось получить жилье в пригороде Ленинграда и съехаться только перед самой войной. Как раз Николай техникум закончил. Технологом стал. Разные они были люди, Николай и Дуся. Николай книжки читал. Ходил в пенсне. Даже в пенсне – зрение ноль. Дуся мужа ни во что не ставила. Никуда не годный мужик. Ни поднять. Ни сделать. Ни вопрос решить. Ни гвоздь забить. Вечно все забывает. Растяпа. Все думает о чем-то. Лентяй и бездельник. Хоть пайку домой приносит, и то хорошо. Да нет, не таким уж непутевым и неловким был Николай. До окончания техникума – рабочий на Путиловском заводе, с работой справлялся. На фронт не взяли Николая по зрению. Белобилетник он. И вот тебе на. В раздевалке вытащили у него из одежды все документы. Украли. Может, и не в раздевалке, а просто на улице из заднего кармана сперли. Кому-то очень захотелось в военное время запастись паспортом вкупе с белым билетом. Как раз ополчение собирали. Ополчение все время собирали. Давай, давай, Николай. Город защищать надо от супостата. Нам нужно роту собрать. Разрядка. Какой белый билет? Где он твой

белый билет? Ах, нет? На нет и суда нет. Что значит, ничего не видишь? На пять метров видишь? Вон винтовку в углу видишь? Бери, и в строй. Так. Ставим галочку. Боец Николай Орефьев. Что это за боец, если дальше собственной руки не видит? Даже в пенсне. Так и ушел с ополчением. Воевать в Синявинских болотах. Ни одной весточки, ни одного треугольного конверта ни Дусе-Евдокии, ни девочкам своим так и не прислал. Ни весточки. Ни похоронки. Как ушел, так и сгинул. Какой он боец? Зрение – ноль целых, ноль десятых. Пропал без вести. Сгинул, сгнил в студеной болотной жиже. Оставил Дусю выживать с двумя девочками. Нет, нигде в мире нет памятника бойцу Николаю Сергеевичу Орефьеву. Созданному, слепленному из других материалов. Для жизни в других пространствах и в другое время. Что попал в этот непонятный, страшный мир, жил здесь, как получалось, сохранял, как мог, свою вечную душу. Выбрал подружку, грубоватую, не самую красивую, зато сильную, да упорную, способную спасти и защитить двух несмышленных голенастых девчонок. Что он мог сделать? Встал в строй ополчения, чтобы телом своим закрыть город от супостата. Чтобы... «спокойно лечь, когда настанут сроки». «Зеленый лист из мертвой головы укроет всех – и добрых, и жестоких».

Оставил двух девчонок. Оставил потомкам осколки своих генов. Задумчивую склонность к тихому размышлению. Душевную тонкость. И необыкновенно красивые, восточные, немного раскосые глаза. Что по цепочке поколений добра-

лись шаг за шагом до моего младшенького.

Девчонки симпатичные у Дуси с Николаем получились. Обе крепкие, приземистые, сложением в мамашку пошли. Старшая Тамара – ну, просто татарка, лицо широкое, глаза маленькие, раскосые. Смешливая, шустрая, заводная. Старшая верховодила. Младшая Вера, тоже черноволосая, не просто черноволосая – иссиня черные волосы. Видно по всему – больше в отца пошла. Кожа светлая. Глаза большие, карие, черты лица нежные – чисто красавица заморская с итальянского экрана. Задумчивая, застенчивая, с виду. Книжки, как и отец, любит. Но характер у обеих девчонок – кремень. В маму Дусю пошли. Конкретные девочки. Решительные. Своего не упустят. Но это потом проявится. Когда подрастут девчонки. Когда зубки прорежутся.

А пока они просто две девочки, два подростка. Которые остались на руках у матери. Как выжить, как прокормить? Жили на Петроградской. Девчонки, бегали в кинотеатр «Молния». Смотрят кино девочки, вдруг свет отключился – нет кино. Приходите завтра. Прибегают завтра – нет света, на следующий день – опять нет света. Когда кино будет? Что вы приходите, девочки? В вашем доме, где вы живете, есть свет? Нет свету. Вот и у нас нет – глупенькие какие. Война. Света в Ленинграде не будет больше до начала зимы 42 года.

Дуся работала на тарном складе. То грузчиком. То кладовщиком. Получала пайку на себя и двух девчонок. Первый год

блокады был очень трудным. На второй год ее предприятие организовало огородническую артель. Выделили им землю в Кузьмолово. Огородники выезжали туда на лето. Дуся – деревенская, работала раньше на земле, ее поставили во главе артели. Выращивали овощи, зелень, тыкву, кабачки, подсолнухи, турнепс. В свободное время бегали в лес. Собирали грибы, ягоды. Делали запасы на зиму. Девчонка Дуся пристроила в детские лагеря. Тамару – в Озерки, Веру – в Колтуши. Июнь, июль – прополка полей. Какая там была прополка – не знаю. Но детям в лагерях можно было сносно прожить. Кое-какая еда перепадала. А еще и мама Дуся приезжала и приносила что-нибудь с огорода или из лесу. Зимой девочки в школу ходили. В школе тоже кормили по талонам, давали завтрак и обед. О детях старались позаботиться. В обед – и первое, и второе. Иногда и компот был. Да что это за еда? Баланда.

Зимой было очень тяжело. В домах мороз. Отопление разрушено, все в глыбах льда. Топили буржуйками. У мамы на тарном складе – теплая каптерка. Тара. Всегда есть чем топить. Там и отогревались. Там и ночевать часто оставались. Питания не хватало. На всю жизнь у обеих девочек остался страх, что еды не хватит. И привычка: побольше купить, побольше впихнуть еды детям и внукам. Девчонки отощали. Мама Дуся кровь сдавала, получала дополнительное питание. А многие не выдерживали. В первую очередь умирали мужчины – им требовалось больше еды. У соседей скон-

чались от голода мальчик четырнадцать лет и его отец. Девочки видели, что два трупа долго не убирали. Родственники держали дома умерших до конца месяца, чтобы сохранить, не сдавать карточки. Потом отвезли на саночках тела близких к Народному дому. Оттуда уже городские службы развозили их по кладбищам.

Так и прожили сестрички. Зимой – в школу, летом – в лагерь. А как кончилась война – в техникумы пошли. Тамара училась на кинотехника, очень хотелось ей, вертлявой, быть поближе к кино. Выгнали ее скоро, там соображать надо было, а у Тамары с этим неважно. Вера – в пищевой пошла. Поближе, так сказать, к пропитанию. Жили, вроде, неплохо. Но все трое поорать горазды были. То Тамара с матерью ополчались против младшей, то Вера с Дусей – против Тамары. Все трое – зубастые и немного хамоватые. Мама Дуся наполучала кучу наград и благодарностей. Это не спасло ее от неприятностей. В сорок седьмом перешла она на работу в булочную. Злобная, кривоzubая заведующая подкармливала молодого любовника. У трех продавщиц нашли недостачу. У Дуси – шестьсот грамм. Тюрьма. Потом условно-досрочное. Но десять месяцев отсидела. Не любит теперь Дуся рассказывать об этом. И о блокаде – тоже не любит. Можно понять ее – очень тяжелые воспоминания.

Няня

Послевоенная жизнь налаживается. Отец получает неплохую работу. Он пока еще довольно влиятельный человек. У матери среднее техническое образование. Она работает в институте Гипроникель. Проектирует обогащительное оборудование Норильского Никеля. Институт располагался тогда в доме Василия Энгельгардта, рядом с Малым залом Филармонии. Мать любит ходить пешком на работу. Какой чудесный маршрут: от Литейного, мимо Цирка, мимо Михайловского дворца, по Невскому проспекту к барочному дому Энгельгардта.

Первое лето после войны. Все вместе, отец, мать и я, живем на даче. Снимаем, конечно. Деревянный домик на берегу Разлива с маленьким деревянным причалом. Утром выбегаю к воде. Отец давно ловит рыбу. На удочку и червячка. В ведре с водой полно подлещиков и окушков. Вечером отец с дядьями и местными мужиками проходят бреднем по озеру. Улов на славу. Послевоенный Разлив богат рыбой. Родители покупают у рыбаков угрей. Скользкие рыбины расползаются из таза по всему участку. Вот они первые ощущения счастливого детства.

Конечно, не все было просто. У матери что-то не получалось по работе. Иногда и плакала из-за строгого руководства. Меня стали отводить в детский сад. Он располагался

в очень красивом здании с прекрасно озелененным двором на Литейном. Мать приносила несимпатичной воспитательнице махорку. Если задерживала махорку, меня наказывали. С воспитательницей отношения, видимо, складывались не очень. Запомнился мой «проступок». Дети играли в прятки. И я «спрятался» под коротенькой юбкой девочки. Никак не мог понять, почему так рассердилась воспитательница. Я был поставлен в угол на весь день, без права выхода в туалет. Описался. А вечером мать, зайдя после работы, чтобы забрать меня домой, каким-то образом расхлебывала эту историю. Не помню, чтобы мать меня ругала за «юбочку». Но разве все это было хоть сколько-нибудь серьезно в сравнении с отгремевшей войной и надвигающимися пятидесятыми?

Родители неплохо зарабатывали. Решили взять домработницу. Чтобы продукты приносила, готовила и за мной следила. Тогда это было принято. Парадоксы тех времен. Семья с ребенком и домработницей в одной комнате. В коммунальной квартире. Я, совсем еще маленький, залезаю летом на широкий подоконник открытого на Литейный окна. Выглядываю с четвертого этажа на улицу. Домработница – смешная, толстая, деревенская деваха – придерживает меня: «Александр Яковлевич, сойдите с окна, пожалуйста. Упадете, мамочка ругаться будет».

Потом была еще одна перезревшая грудастая девица. Люда, Людмила. До нас она работала у кинорежиссера Шапира. Жила тогда у него на углу Невского и Владимирского. Отец

вспомнил, что был знаком с будущим режиссером Ленфильма, когда занимался художественной самодеятельностью. Барышня с восторгом рассказывала, как к режиссеру приходили артисты. Особенно ей нравился Вицин – «такой смешной, такой смешной, что ни скажет, все впокатку лежат». Приметливой была наша простушка. Вицин стал известен много позже, с появлением фильма «Пес Барбос и необычный кросс». Интересовало же ее, нашу Люду, в основном, только одно – выйти, наконец, замуж. Мальчик, за которым следовало следить, то есть я, явно не нравился ей. Раздражало все, что бы я ни сделал, и проделки, и неловкость домашнего ребенка. Да и работа у нас ей тоже была не по душе. Продержалась она, как и предыдущие, недолго. Мать отличалась редким умением сохранять со всеми хорошие отношения. С Людой, я слышал, она тоже поддерживала как-то связь. Пока через несколько лет та не отправилась поднимать целину в Казахстан. Наверное, в надежде устроить свою личную жизнь. Дальше – неотчетливо. Вначале что-то сложилось, потом – не очень. Вернувшись с целины, появлялась разок у нас на Литейном.

Жизнь нашей семьи существенно изменилась с появлением Надежды Даниловны.

Начну с рассказа о Маргарите Алексеевне – одной из ближайших подруг мамы. Мама звала ее Марго. Они вместе работали. Марго не имела семьи. Отпуск проводила в Сочи и Ялте. В те годы это были самые фешенебельные места отды-

ха госслужащих. Имела она, видимо, и поклонников. На фотографиях в пене прибой – роскошная Марго бальзаковского возраста с неизменной охапкой роз. Возможно, отдыхала не одна. Марго – легкий человек. Улыбчивая, тонкая, образованная, с характерной грассирующей речью, знала, видимо, лучшие времена. Марго попросила Любу и Яшу помочь своей давней родственнице. Может быть, и не дальней, а близкой родственнице, не знаю. Многих деталей не знаю. В те годы люди умели держать язык за зубами.

Это была Надежда Даниловна. О ее муже известно только то, что он был когда-то советским работником, трудился, кажется, в сберкассе. Еще до войны сгинул, исчез в подвалах, в застенках органов, свято пекущихся о безопасности первой страны победившего пролетариата. Видимо, опасным был человеком. Неизвестно, что случилось бы с его женой и дочерью, если бы не грянула война. Женщина вместе с дочерью Люсей, в те годы – девочкой-подростком, оказалась в немецкой оккупации. Их интернировали, вывезли на работу в Германию. Работали они на немецкой ферме. Мать, естественно, опасалась за дочь. Одевала ее в бесформенный балахон, мазала лицо грязью и навозом, научила прикидываться старухой. Так и прожили всю войну на чужбине. Никто не распознал в худенькой страшенькой старушке симпатичную молоденькую девушку. Война закончилась. Все возвращались домой. А для интернированных начинались новые мучения. Были интернированы – значит, потенциальные враги

трудового народа. Всех отправляли на север, на восток, для длительного отдыха на курортах ГУЛАГа. Женщины вернулись в Ленинград. Мыкались, где-то скрывались. Боялись каждого милиционера на улице. Они обязаны были зарегистрироваться. Зарегистрироваться и получить «теплое» место в теплушке, отправляющейся на Колыму. Теплый прием возвратившимся гражданам был обеспечен. Всей государственной мощью страны-победительницы.

Такой же теплый прием страна готовила не только интернированным, но и инвалидам войны. Не хотелось руководству страны портить себе настроение после Великой Победы, видеть своими глазами сотни тысяч безруких, безногих, неприкаянных инвалидов войны, промышлявших нищенством по вокзалам, в поездах, на улицах. Какой стыд! Вся грудь в орденах, а он на углу возле булочной милостыню просит! Избавиться от них, да поскорее. В течение нескольких месяцев улицы послевоенных городов были очищены от этого «позора». С глаз долой – на острова Валаамского монастыря. В монастыри – Кирилло-Белозерский, Горицкий, Александро-Свирский и другие. Чтобы не мешали пролетарским вождям строить социализм. Чтобы мы все вместе могли петь: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек». Страна Советов карала своих инвалидов-победителей за их страдания, за увечья, за потерянные семьи, дома, за родные деревни, сожженные войной. Получите-ка герои войны – нищенскую пайку, бараки, одиночество и пол-

ную безысходность. А дальше – покой и тишина в безвестной могиле, а то и в канаве – без памятника, без надписи, без креста и даже без звездочки. Извините, что отвлекся, не смог я умолчать об этом нашем позоре. И о знаменитом послевоенном тосте Великого Вождя: «За здоровье русского народа!».

Не знаю уж, как родители провернули эту операцию прикрытия. Я предполагаю, что отцу, фронтовику, имеющему заслуги перед советской властью, как-то удалось восстановить паспорта и прописать у нас Надежду Даниловну и ее дочь. Факт тот, что они легализовались и выпали из поля зрения бдительных властей предержавших. Увы, ненадолго, ой ненадолго можно было скрыться в те годы от карающей десницы стражей диктатуры победившего пролетариата. Так эти женщины появились в нашей тридцатиметровой комнате. Надежда Даниловна, старше моей матери лет на десять-пятнадцать. Простая русская женщина. Так мне казалось. С деревенским платком на голове. С умом и интеллигентностью, которые судьба дарует сильным, цельным натурам. И ее дочь. Обшитая просто и с изяществом искусными руками ее матери. Не красавица. Но прехорошенькая, чистенькая, в те годы – очень веселая. С особым обаянием непосредственности и девичьей чистоты. Где Люся жила, не знаю. Возможно – у Марго. Но часто появлялась у нас. А Надежда Даниловна поселилась у нас и стала моей няней. В первый же день она подробно расспросила меня, что мне нравится, умею ли я

читать (я, в те годы дошкольник, уже неплохо читал). Приготовила мне суп. Тарелка была большая, и я съел только половину. Она спросила, не плюю ли я в тарелку во время еды. Я был очень удивлен вопросом – конечно нет! После этого она доела за мной суп.

Вскоре она стала в нашей семье своим человеком. Много занималась со мной. Шила детские костюмчики из старых вещей. Очень искусно. Родители снимали на лето дачу. Где мы и жили с няней. А родители приезжали на воскресенье или в отпуск. Многому научила меня. Научила любить лес, разбираться в грибах, ягодах, растениях, птицах. Учила меня и соседскую детвору играм, забавам. Помогала организовывать праздники, ставить спектакли. Пекла нам, малышам, угощения. Когда я добрался до своих семи лет, вместе с матерью подготовила и проводила меня в школу. В последующие взрослые годы я вспоминал ее тактичность, интеллигентность, природную мудрость. Будто бы впитанные простой малограмотной женщиной от матери – сырой земли. Высказывания и прибаутки. Мудрость, усвоенную и вынесенную из всей своей непростой, тяжелой жизни. Никогда не видел, чтобы она читала. Вот и решил, что она неграмотная. Смотрела только со стороны, как я читаю свои детские книжки, плачу иногда над судьбой былинного героя, погибшего было, а потом воскрешенного чудесным образом с помощью святой воды. Вы верите в бога, нянюшка? Для меня бог, Сашенька, под каждым кусточком. Господь везде при-

мет мою молитву.

Вскоре Люсенька с блеском поступила в Театральный на Моховой. Для вступительного экзамена она подготовила роль старушки, детально отрепетированную за годы жизни в Германии. У комиссии не было сомнений в таланте абитуриентки. Люся стала студенткой. Получила стипендию. Место и прописку в общежитии. Жизнь улыбалась ей. Я чувствовал ее настроение. Она приходила всегда веселая. Обнимала меня. Мы много смеялись, играли. Потом я узнал, что в том же Театральном к Люсеньке пришла первая любовь. Все было прекрасно. Молодые люди мечтали поскорее пожениться. Скоро сказка сказывается, да нескоро дело делается. Юноша узнает, что ее возлюбленная была интернирована. Затрепетало, огнем вспыхнуло пламенное сердце юного наследника молодой пролетарской культуры. Не мог он не сообщить руководству Театрального о том, что невзначай довелось ему оказаться в самом центре антисоветского, а может быть, и международного шпионского заговора. Рухнули девические мечты о счастье. Не знаю, какие уж объяснения пришлось Люсеньке давать доверительно-ласковым энкавэдэшникам. Долго ли это продолжалось. И чего ей это стоило. Сколько сил, сколько переживаний. Но из Театрального ее попросили. Пришлось кроить жизнь заново. Головка у Люси была светлая. Поступила в Инженерно-экономический. После окончания осталась там преподавать. Защищать диссертацию не захотела. Все, вроде, образовалось. Но только с то-

го времени я уже не видел ее больше ни веселой, ни счастливой. До последнего дня своей жизни ее умные, серые глаза оставались задумчивыми и, как правило, печальными.

Разумная мама посоветовала дочери, как устроить свою жизнь. Сосватали Люсеньку с вдовцом, отцом двух маленьких детей, мальчика и девочки. Ее мужем стал Владимир Петрович – мужчина видный, красивый, водитель автобуса. Попроще Люси, поглупее. Любил Люсю беззаветно. Она разрешала себя любить. Но женой, видимо, была неплохой. И чужим детям сумела стать матерью. Своих же детей заводить не захотела. Надежда Даниловна решила переселиться в семью к дочери и помогать поднимать детей. Я к тому времени подрос. Ходил в школу. Это был второй или третий класс. Перед тем, как уехать от нас, няня отправила меня в школу одного. Впервые. Задала все вопросы, как переходить перекресток, по какому сигналу светофора, куда смотреть. Когда она хотела привлечь мое внимание, говорили: «Сашенька, посмотри мне в глаза». Я смотрел ей в глаза, ответил на все вопросы и отправился самостоятельно в школу. А она – за мной следом, трогательно подглядывала, хотела убедиться, что я в точности выполнил все инструкции.

На этом не закончилась наша дружба с нянюшкой и ее дочкой. Пока я был школьником, лето проводил на съемной даче вместе с Надеждой Даниловной, Люсей, ее приемными детьми Вовой и Галей, которые были помладше меня. Вместе исходили все леса, озера и полигоны Всеволожского рай-

она. Купались, собирали грибы, ягоды. К сожалению, у Люси, впоследствии появились проблемы с приемным сыном. Когда мальчик вырос, он пошел на завод, стал комсомольским вожаком. Вова был неплохим парнем, очень искренним и честным. Друзья любили его. И, как часто бывало с комсомольскими работниками в те времена, его пригласили на работу в органы госбезопасности. Парню казалось это заманчивым и лестным. Люся же не смогла простить ему работу в ненавистных органах и порвала с ним все отношения. Не простила до самой смерти. Со временем, когда Надежды Даниловны не стало, у Гали появилась собственная дочь. Ее назвали Надей. В честь бабушки. Надежда Даниловна всегда была для Гали настоящей бабушкой, а Люся – настоящей мамой. С Галей, а потом и с Галиной дочкой, Люся была очень близка. Такая близость не всегда бывает даже у родных матерей, дочерей и внуков.

Для меня воспоминания о няне и ее дочери всегда оставались очень важными и дорогими. Если я кому-нибудь рассказывал о любимой нянюшке, я говорил о ней, как об очень простом человеке, наделенном от природы не только добротой, но и пронизательностью, а также особой житейской мудростью. С Галей, ее приемной внучкой, мы были дружны всю жизнь. А с Вовой мне довелось встретиться лет десять назад. Он, уже немолодой человек, ушел на пенсию из органов. Вспоминали Надежду Даниловну, Люсю. Я опять тупо повторял свои сакраментальные фразы о мудрости простой

русской женщины... Какой такой простой? – вставил он. – Она смолянкой была. Выпускницей Смольнинского института благородных девиц. Куда принимали только девушек из дворянских семей. Из очень непростой семьи была. Как это неграмотной? Пять языков знала. И муж у нее был очень крупным обкомовским работником. Вот это да! Я был потрясен. Вот тебе и простая. Малограмотная. А я-то, тупица. Как же люди того времен умели молчать. Умели вжиться в новую шкуру, врати в новую кожу. Прожить не свою, чужую жизнь. И ни разу не проговориться. Не выказать себя ни словом, ни намеком. И мои родители тоже рисковали и молчали.

Одно утешает: мы все искренне любили друг друга: мои родители, няня, ее дочь и я, самый младший из них. И так ли уж я был неправ? Прав был. И доброта. И проницательность. И житейская мудрость. Это выносят не из Смольного Института. Из сердца своего. Из такой непростой, такой тяжелой жизни, доставшейся каждому человеку, где бы он ни жил на необъятных просторах нашей родины. Из полей и лесов нашей среднерусской природы. Иной человек, как говаривала моя нянюшка, найдет это под каждым кустиком – и доброту, и проницательность, и житейскую мудрость. Так же, как и отца нашего небесного.

Послевоенная романтика

У Самуила в войну – работа, работа, работа. День за днем, сутки за сутками. В госпитале – раненные, бинты, перевязки, операции. Больных кормить надо. Организовал подсобное хозяйство. Были яйца, курочки, зелень, овощи. Были бахчевые. Слушали сводки с фронта. Лечили и выписывали раненных. Война шла на убыль. Мальчишки незаметно выросли. Антонина почувствовала, что ее Семочка на сторону стал поглядывать. Решила «укрепить» семью. В последний год войны, в свои сорок два, Семочке – уже под пятьдесят, родила последыша, сына Сашу. Родители немолодые, Саша слабенький получился. Словно Цинциннат Набокова, он родился и жил в иных, нездешних мирах. В наш мир он протиснулся совсем небольшой своей частью. Потому и был фантастически худым, почти прозрачным. На солнце он не раздевался, чтобы не увидели, что он немного просвечивает. Зато и способности его тоже были нездешними. Помнил наизусть выдержки из сотен прочитанных томов, справочников, энциклопедий. Читал все подряд – прозу, стихи, пьесы, изучал живопись по художественным альбомам. Обладал энциклопедическими знаниями. Хороший пианист. В Саше сосредоточились самые романтические мечты его матушки о будущем детей. Всю душу вложила Антонина в младшего сына. Но не из этого мира был Саша. Не от мира сего. К нашей гру-

бой грешной жизни не приспособлен. После музыкального училища его направили в областной центр для поступления в консерваторию. Это было уже в те годы, когда Самуила перевели главврачом в санаторий в Железноводск. До консерватории Саша не доехал. Деньги потратил. Застрял где-то в захолустье. Влюбился в наглуую, никчемную, простую девушку. Влюбился на всю жизнь. Без взаимности. Ей нужны были только деньги и подарки. На это и ушла прекрасная библиотека. Работал тапером в ресторане. Музыканту подносили водочку. Слабенькому Саше немного надо было. Случайные люди приводили его домой. После ухода родителей в мир иной спустил на ветер – квартиру, инструмент, мечты матери, неразвившийся талант. Братья переживали за Сашку, хотели помочь, поддержать. Пытались увещевать. Что они могли сделать? Из своего далека. Сами – подневольные люди. У них служба. Встречались только в отпуск. У Сашки не было сил бороться. Он опустил. Попал в тюрьму по глупости. Освободился и сгинул. Погиб от удара случайного прохожего. Тщетны наши мечты. Тщетны высокие порывы. Наш мир – не для высоких порывов. Этот мир – для сильных, жизне-способных, а еще более того – для жестоких, алчных и безжалостных. Этот мир не для Антонины, «богородицы из Железноводска», не для Саши, Цинцинната с северного Кавказа. Но все это будет потом. А пока Саша – ребенок. Немолодые родители души в нем не чают.

Конец войны. Победа. Первые послевоенные годы в Же-

лезноводске. Домой возвращаются фронтовики. Военных носят на руках. Все мальчишки мечтают об армейской службе. Вова поступает в пехотное училище. Мишку не отпускают. Отец хочет, чтобы Миша стал врачом. Куда там. Удержишь сорванца. Он мечтает стать моряком. Едет в Баку, сдает документы в морское училище. Немолодой уже отец едет за ним, забирает документы, возвращает домой. Напрасные хлопоты. Мишка убегает в Ленинград, поступает в Высшее военно-морское училище имени Фрунзе. Поступает без труда. И учится хорошо. Проблем с физикой и математикой у него нет. Физподготовка – что надо.

Сбылась Мишкина мечта. Он – курсант одного из лучших морских училищ страны. Стройный, подтянутый, жилистый. Форма сидит идеально. Бескозырка – будто всю жизнь носил. Веселый, озорной. Великолепный рассказчик. Мастер на разные проделки, проказы. Все для друзей. Последнюю рубашку снимет. Мишка сразу становится популярным, сразу попадает в ядро. В число тех, кто верховодит. Центром их компании был, конечно, Володя Маслов. Старше других, фронтовик. Впоследствии – командующий Тихоокеанским флотом. Остальные... Друзья. Ближе которых нет. Друзья на всю жизнь. До гробовой доски. Флот и друзья. Вот, что самое главное. Дороже жен и детей. Морское братство выше всего.

Приезжает на побывку домой. Друзья, соседи приходят посмотреть на морского курсанта. Девчонки шушукаются:

«Видела? Мишка-то, какой красавец». Отец, мать гордятся. Отцу нравится Мишка в форме. Приезжает на побывку и Вовка. Пяхота! Балбес. Скалозуб. Моряки – вот элита армии! Вовка собирается на свидание. Стесняется купить презервативы. Не робей, Вовка. Заходят в аптеку. «Девушка. Вот тут молодому человеку презервативы нужны. Подберите нам фасончик помоднее. И обязательно, чтобы с черной пяткой!». Продавщицы улыбаются, с восторгом смотрят на бравого курсанта. Вовка от смущения готов сквозь землю провалиться.

Любил Мишка красное словцо, любил произвести впечатление. Сдавал зачет по турнику. Я покажу вам, как крутить солнце. Один оборот, второй, еще, еще... Срывается, улетает в ряды кресел, ломает руку.

Пятидесятый год. Четвертый, последний курс. Скоро выпуск. Моряк должен семьей обзавестись. Я женюсь только на той, которая родилась со мной в один день. Ну, ты, Мишка, даешь. Так ты никогда не женишься. К Фрунзакам в училище ходят на танцы девчонки. Покупают билеты и проходят. Потанцевать. С морячками познакомиться. Появляются три хорошенькие подружки. В валенках. Валенки снимают, одевают туфельки. Мишка к ним. А что эти двое малолеток со второго курса здесь делают? Он – почти выпускник, курсант четвертого курса. Шепнул им: «Ну-ка, салаги, потихому, чтобы духу вашего здесь не было». Второкурсников как ветром сдуло. Несет Мишка три пары валенок, пальто в

гардероб. Среди подружек – Вера. Скромная красавица, на два года младше Мишки. С огромными накладными плечами под платьем по моде того времени. Закрутил, кружил Мишка тихую Веруню, простую, без претензий, даром, что в Ленинграде жила. По воскресеньям отпускают курсанта, если нет задолженности по учебе. Мишка учится без проблем, молодые люди раз в неделю встречаются. Телефона у Веры дома нет. Пишут письма друг другу. Почта работает хорошо, не то, что в нынешние времена. Вера подписывается: «твоя вредная Вера». Вера – вредина, хоть и тихоня. Мишка пишет любимой тете Тане, что собирается через пару месяцев жениться. Родители ничего пока не знают. Вера заканчивает техникум. Весной должна уехать по распределению в Петрозаводск. Ясное дело, не хочется ехать. А Мишка – лихой моряк, красавец, вот-вот офицером станет. Первый, с кем целовалась. Конечно, не в ее вкусе. Ей хотелось бы солидного, серьезного. А этот... такой балабол. Ну, не ехать же в Петрозаводск. Потом, в старости признавалась Вера дочке: «Не такую жену Мише надо бы. Ему надо было легкую найти, веселую, совсем не такую, как я». Пошли – расписались. Две пары: Михаил с Верой и друг по училищу со своей подружкой. Подали документы. Ахнули Михаил с Верой – оба родились в один день. Вот тебе и Мишка. Как в воду глядел. Может, и не было таких разговоров заранее, может и не предвидел он ничего. Мишка – мастер розыгрышей, морских рассказов, маленьких корабельных легенд. Возможно,

потом придумал, рассказывал много раз, вот все и поверили. Недаром говорят – тщательно поддерживай свой образ, используй каждый случай, чтобы подогреть интерес к своей сложившейся репутации.

Как отметить? Никак и не отметили. Куда идти с молодой женой – не в комнату же с сестрой и матерью. Рано состарилась Дуся, которой не было еще и пятидесяти. Массивная, мрачная, седая, в деревенском платке. Некуда идти молодым. Погуляли по набережным и разошлись, Вера – домой, Мишка – в училище. Никак и не почувствовали, что они теперь муж и жена. Ничего в их жизни не изменилось. Курсанта отправили на три месяца в учебное плавание. Потом – на службу в Лиепаяу. Вместе с молодой женой. Дали лейтенанту комнату. А он – опять в плавание. Так и жили ненастоящей жизнью, вроде – муж и жена, а вместе – чуть. Через год дочка появилась. Потом служба на Севере.

Любил Миша молодую жену. А больше того – службу морскую. Любил море, свою подводную лодку, длительные автономные плавания, своих матросов и офицеров. Быстро рос по службе, рано стал командиром. Экипаж его боготворил. Щедрый, заботливый, предусмотрительный. На лодке порядок, лодка – всегда на хорошем счету. Все стрельбы – на отлично. Приезжает начальство с инспекцией. Корабельное хозяйство – без замечаний. А как с физподготовкой? Начнем с командира, предлагает Михаил. Прямо в кителе, не раздеваясь, подходит к турнику, подтягивается двадцать раз.

Хорошо, хорошо, зачет всей команде. Молодой командир считался одним из лучших швартовых на Севере. Когда бывал дома, в ночь, в непогоду часто вызывали его для швартовки чужих лодок. Моряк по призванию, что тут говорить. Язык только плохой. Любил придумывать стишки, анекдоты, высмеивающие начальство. Продвижению по службе это явно не способствовало. Зато – всеобщий любимец. Мастер морского рассказа. Потом, много позже, хорошо знал Виктора Конецкого, автора «Между мифов и рифов», рассказов о кошке Барракуде. Говорят, многие сюжеты из устных рассказов Михаила появились потом у Конецкого. Не знаю, правда ли это, но Мишины рассказы мне довелось послушать. Они неизменно вызывали всеобщий интерес. Морская романтика. Поговорим об этом немного позже.

Как стать космополитом

Сорок девятый год – Ленинградское дело, борьба с космополитами; пятьдесят первый год – арест министра госбезопасности Абакумова, обвиненного в организации большого «националистического еврейского заговора». Пятьдесят первый, пятьдесят второй годы – «дело врачей», лечивших высшее руководство. Везде искали космополитов. Похоже, что отец попал в пятьдесят первом под эту компанию в какой-то степени по своей инициативе. Принципиальный был, видишь ли. Руководство чем-то злоупотребляло. Где-то имело свою выгоду. Он, естественно, критиковал. Что им, беднягам, было делать? Проявили интерес к работе отца. Он отвечал за кадры. Набирал людей для работы на новых строительных площадках. Выезжал на объекты. Готовил для них бытовки, жилье, решал социальные вопросы. Оказалось, что плохо решал. Допускал «засорение кадров». Такая формулировка была. Принял на работу некоего Мовшовича. Космополита, само собой. Социально опасный элемент. Мовшовичу – ничего. А отца выгнали из партии. Через несколько дней – с работы. Он – в райком. Доказывал свою правоту. «А вы знаете, – говорит ему секретарь райкома, – что людям вашей национальности не место на территории европейской части Советского Союза? Для вас готовят территории на Дальнем Востоке. Может, еще и дальше. Нам непонятно ваше недо-

вольство». Отец писал. В обком, в ЦК. Писал о боевых заслугах. Лично товарищу Сталину. Бесполезно. Ждали ареста. Со дня на день. Когда ночью на улице раздавался визг тормозов, мать бросалась к окну. Не к нам ли гости? Сразу зажигался свет во многих окнах. Люди смотрели, за кем приехали? Черный воронок не приезжал. А жить надо было. На работу никто отца не брал. Мать обучала его чертежному делу. Надеялась устроить чертежником. У отца была неплохая графика. И прекрасный чертежный шрифт. До сих пор сохранились листки, на которых он тренировал чертежное написание букв. Там были такие тексты. «Партия всегда права. Партия должна очищаться. Партия должна крепить свои ряды. Лес рубят – щепки летят. В каждом деле могут быть ошибки». В его голове не укладывались вопиющая несправедливость и подлость всего происходящего.

Отцу помогли друзья. Предложили поехать на Север. Устроили его мастером на стройке под Котласом. Работать с уголовниками. Видимо, в колонии-поселении. Отправился мой папка на новое место. Контингент тяжелый. Работа нелегкая. Трижды его проигрывали в карты. Если у блатного кончались деньги, тот пытался отыгаться. Играл «на Яшку». Проиграл – надо грохнуть Яшку в течение суток. Не грохнул – найди деньги или сам пойдешь под нож за карточный долг. Может, применяли другие меры по блатным понятиям, не знаю. Вовремя узнавал обо всем Яшка, имел, видно, своих людей в их среде, своих шестерок-стукачей. С волка-

ми жить... Такая жизнь была. Всю ночь стоял отец с топором у входа в свое жилище. Ждал гостей. Солнце забрезжило – можно считать, пронесло.

Так и жили – мы в Ленинграде, отец – на Севере. В тот год я впервые написал стихотворение. Наивное, детское: «Папа, милый, дорогой, очень по тебе скучаю. Приезжай скорей домой, жду тебя с горячим чаем. Вот я вырасту большой, храбрый, сильный, смелый. Защищать свой край родной буду я умело».

Учителя в школе были прекрасными людьми. Знали, что отец на Севере. Меня не обижали. Понимали, видимо, сочувствовали. Оценок не занижали. Да я и сам по себе учился отлично. Был лучшим учеником класса. Класс, правда, был не очень. Я многим помогал по учебе. Мальчишки приходили к нам домой. Я объяснял задачи по трудным предметам. А за спиной потом шушукались. Благодарности не было. Это понятно. Из черных картонных репродукторов без конца вещали о врачах-убийцах. О космополитах, что мешают нам жить. Однажды ребята попросили меня задержаться после уроков. Решили устроить темную. Без слов, без объяснений. Чтоб знал. В класс зашла воспитательница Александра Николаевна, крупная, полная женщина, наша учительница математики. Она была вне себя от бешенства. Меня отпустила, а сама осталась с мальчишками. О чем говорили – не знаю, но больше ничего подобного не повторялось. Даже намек. Теперь я понимаю, что такой простой и естественный на пер-

вый взгляд поступок потребовал от обычной учительницы большого личного мужества. В этом классе изучался испанский язык. Вскоре я перешел в другой класс, с английским языком. Мне повезло. Там были совсем иные дети. И другие учителя. Кстати, тоже чудесные люди. Которых я очень любил. Но вас, Александра Николаевна, я никогда не забуду. Низкий мой вам поклон.

Два года пробыл папа на Севере. В конце пятьдесят третьего покинул нас отец народов. Сдал, видно, старый змей, что был главным в банке с другими змеями. Всех пережалил, всех удушил. Но получил, наконец, свою порцию яда от кого-то из близких, может быть, от самого близкого. Вся страна скорбит. Выстраиваются огромные очереди желающих проститься с любимым вождем. Дети заполняют в тетрадях траурную страницу, пишут о своей любви к Великому Сталину. Обводят страницу в красно-черную рамочку. Взрослые и дети отравлены ядом идолопоклонства, ядом поклонения самой кровавой фигуре в истории России. Не все, конечно. «Он мастер пугающих громких фраз и ими вершит дела, и всех, в ком он видит хозяйский глаз, глушит он из-за угла. Но наши пути все равно прямые, будет он кончен сам... Потому, что хозяева жизни – мы, а он – присосался к нам» – писал Эмка, поэт Наум Коржавин, арестованный в сорок седьмом в разгар борьбы с космополитами.

Среди детей всегда есть тот, кого все не любят. В нашем классе это был Борька Рябой. Почему его не любили? Рос без

отца. Мать – тихая, несчастная женщина. Борька ничем не отличался от других. Не нахальный. Чуть поглупее остальных. Чуть послабее других мальчишек. Дети жестоки. Борька был всегда во всем виноват. Теперь я понимаю, почему. Одна из причин, состояла в том, что Борька – еврей. Так же, как и я. Самое ужасное, что я иногда поддерживал эту популярную среди мальчишек идею: «Борька всегда и во всем виноват». «Ты видел? – говорили ребята друг другу. – Борька не плакал, когда сообщали о смерти Сталина». Все плакали, а он не плакал. Борьку надо побить. Слава богу, не случилась эта позорная немотивированная расправа. Не знаю почему, но не случилась. Хвала отцу небесному, отвел детей неразумных от греха. Самая отталкивающая черта маргинала – стремление покинуть свою социальную группировку. Скрыться, смешаться с толпой. Примкнуть к доминирующей группе. Сколько таких людей мне довелось встретить. Сам я, мне кажется, не старался замаскировать свое еврейское происхождение. Почти никогда. А тогда, с Борькой, наверное, маскировал. Возможно, неосознанно. Обсуждал со всеми, что Борька не плакал о Сталине? Обсуждал. Я, маленький слабак, рассуждал так же, как и все. А ведь я тоже не плакал. А Борьку осуждал. Если ты жив сейчас, Боря, если доведется тебе прочесть эти строки, нижайше прошу тебя, прости ты меня, грешного. Прости за то, что я тогда был со всеми, а не с тобой. Прошу прощения не потому, что ты – еврей. А потому что приличный человек, в том числе – маль-

чик, ребенок, должен быть не на стороне толпы, а на стороне незаслуженно обиженного слабого.

Закрыли Ленинградское дело. Дело врачей тоже закрыли. «В результате проверки выяснилось, что врачи были арестованы неправильно, без законных оснований», а показания врачей были получены при помощи «недопустимых приемов следствия». Вопрос переселения космополитов отпал сам собой. Восстания заключенных в Воркуте, Норильске, в Кенгире. Комиссия по проверке дел и реабилитации. Проведена амнистия. «Иду на свободу. На выстрел. На все, что дерзнет помешать» – писал Коржавин после амнистии. Возвращение депортированных народов. Возвращение немецких и японских пленных. Австрия выходит из военных блоков и объявляет о нейтралитете.

Начался новый виток борьбы за власть в Кремле. Разве теперь до космополитов? Отец вернулся домой. Восстановился в партии. Нашел работу. Не ту, что была. Ниже пост, ниже оплата. Это понятно. Отец уже в возрасте. Без специального образования. Семья воссоединилась. Жизнь продолжается. Прошло еще три года. Двадцатый съезд. Монумент Сталина сброшен с пьедестала. Жизнь в стране меняется. Теперь уже не будет перегибов. Отец полностью реабилитирован. Он хочет восстановиться на работе. С ним говорят не так, как раньше. Вежливо, уважительно. Столько лет прошло, дорогой товарищ. Давайте не будем возвращаться к прошлому. Прошлого не изменить. Многие ведь и жизни лишились.

Отец опять работает в той же системе, что и раньше. Строит мосты. Однажды встречает своего бывшего начальника, того, что подтолкнул его к краю пропасти. Он бросается к отцу с объятиями. «Яков, как же я рад видеть тебя живым-невредимым. Ты совсем не изменился. Как ты, где ты? Ну, полно тебе нос воротить. Забудем прошлое. Ты тоже нам много неприятностей доставил. Сколько комиссий приходило по твоим жалобам. Молчишь? Действительно, ты совсем не изменился. Такой же злобный и упрямый, как раньше. Принцип ломаешь». Могу представить себе, что чувствовал отец при этой встрече.

Никто не говорил больше о космополитизме. Желтые звезды на нас не вешали. Большое спасибо. Но тень людей второго сорта долго еще витала над нашей семьей. «А где мне взять такое фото, и для себя, и для людей, и чтоб никто не догадался, что я по паспорту...». Витала над всеми другими семьями. Кто раньше ходил в космополитах. Над моими родителями – всю их жизнь, до последнего их дня. Надо мной – до девяностых годов. Когда рухнула коммунистическая империя. Когда рухнула монополия одной партии.

Увы, ни страна, ни народ не очистились покаянием за эти и иные преступления коммунистического режима. За геноцид собственного народа. За уничтожение миллионов самых честных, самых способных, сгнивших в застенках стражей революции и на лесоповалах ГУЛАГа. Не сможем мы начать новую жизнь и стать свободным народом, если не очистимся

покаянием. Так и несем до сих пор родовое клеймо народа, живущего в рабстве. Под пятой беспечных детей и внуков вертухаев, других вертухайских наследников. Но и об этом поговорим немного позже.

Мои университеты

У Горького – это Волга, лямка бурлака. У меня, конечно, ничего подобного не было. Не было тяжелого изнурительного труда. Но физического труда я не боялся. Не избегал. Еще мальчишкой все научился делать своими руками – и столярную работу, и слесарную, и паял, и модели электромеханические делал. На Литейном комната зимой обогревалась печкой. Наши дрова хранились на втором дворе дома, в низком подвальном помещении. Рядом с дровами соседей. Никто дрова свои ни огораживал, ни охранял. Случаев воровства чужих дров не было. С десяти лет моей обязанностью после школы было протопить печку. Спускался в подвал, коллол дрова, складывал в мешок и относил домой по крутой высокой лестнице. Лифта в доме не было. Сразу после поступления в институт – колхоз. Нас направили в деревню с выразительным названием «Гнилки». Студентам колхоз выделил избу. Мы сколотили нары. Там и жили. Еду себе готовили на огне в огромных кастрюлях. Часть продуктов привозили с собой. Тушенка, каши. Колхоз давал картошку, овощи, молоко, хлеб. Работали на полях. Занимались прополкой. Каждый старался отличиться, сделать побольше объем работы. Так было принято. Такая была молодежь. Я тоже старался. И, хотя силенок было не занимать, я тогда уже был чемпионом Ленинграда по академической гребле, ну никак

не мог я выбиться в передовики. Сноровки не хватало. В передовиках у нас были ребята и девчата, приехавшие из провинции, в основном – из Белоруссии. В колхозы ездили работать каждый год. Приходили первого сентября на учебу. В институте проводилось собрание. Объявлялось: когда, куда, с кем, кто старший, какие продукты купить, что взять с собой. И – на месяц помогать стране в уборке урожая. Осеннюю работу можно было заменить летней стройкой. В одно такое лето меня направили копать котлованы под фундаменты будущих домов. С нуля возводился район Малой Охты. Кто мог подумать, что через несколько лет мы с родителями получим квартиру именно там и переедем жить именно в этот район? Закончил институт. Распределился, пришел на работу – сразу в колхоз. Там работали больше для галочки, для блезира. Позже было принято направлять сотрудников на овощебазы для переборки овощей. Ненадолго – на день, на два. Так продолжалось до девяностого года. Это было даже тогда, когда я работал в Академии наук. Бездарная показуха. Научные работники, аспиранты, кандидаты, доктора наук с приличными зарплатами делали вид, будто они что-то делают. К девяти приезжали на овощебазу. В десять приходил представитель, разводил группы по разным складам. К пол-одиннадцатого добирались до места работы. Приходил другой человек, делал инструктаж. Давал тару. В одиннадцать приступали к работе. В час – обеденный перерыв, перекус. В два понемногу приступали к работе. В три – мо-

жет, пора заканчивать? Вызывали представителя. Ну, хоть что-то сделали – и, слава богу. А можно взять с собой овощей, морковку, капусту? Возьмите немного, это разрешается. План почему-то всегда выполнялся. За выполнением плана следил лично парторг института, доктор наук, между прочим. Откровенное издевательство над здравым смыслом. Да уж. Никак не университеты Алексея Максимовича. Ничего бы не случилось, если бы у меня не было этого дурацкого опыта. Но, что было, то было. Ни от чего в своей жизни я не отказываюсь. У каждого свои университеты, своя школа жизни. У меня свои были. Расскажу о настоящих университетах.

Первым университетом была коммуналка. Соседями по коммуналке были дядя Петя, его жена тетя Женя, их сын взрослый Толя. Хорошие были люди. Конечно, они не были мне дядей и тетей, но так было принято называть взрослых. Имена-отчества тогда не практиковались в быту, непролетарское это дело фигли-мигли разводить. Первым на кухне появлялся толстый добродушный дядя Петя. На кухне была дровяная плита и отдельно – газовая плита. Дядя Петя выходил в ядовито-голубом нижнем белье, неважно, есть кто на кухне, нет ли. Зажигал газовую духовку, вставал к ней поближе – грел задницу. Обязательный ритуал перед уходом на работу. Тетя Женя – приветливая, рано состарившаяся черноволосая женщина с худым темнокожим лицом. Она не работала и по просьбе матери иногда приглядывала, чем

я занимаюсь. Хотя после ухода Надежды Даниловны я сам управлялся со всеми делами – и переодеться после школы, и протопить печку, и поесть, и уроки сделать. Но матери было спокойней, что в квартире есть пара небезразличных глаз. Толя был невысокий складный блондин, похожий на Утесова. Работал водителем. Перед уходом на работу обязательно чистил туфли – только носки. Остальное не видно – тогда носили очень широкие клеши. Толя был очень добрым, но непутевым – все время попадал в какие-то передраги. Много раз его забирали в отделение милиции. И с женщинами ему не везло, подружек находил – одна стервозней другой. Но у Толи был талант. Толя фантастически красиво свистел. Думаю, что он мог бы выступать на эстраде. Если Толя был дома, из их комнаты постоянно доносились рулады – популярные песни, романсы, арии из опер. Тетя Женя часто советовалась с Любовью Львовной, моей матерью, что же ей делать с этим беспутным Толей. Мать, сидя с королевской осанкой за кухонным столом, обсуждала проблемы с тетей Женей и Толей, не торопясь что-то объясняла. Не знаю, помогали ли им ее советы, но оба возвращались в свою комнату заметно успокоенными.

А потом дядя Петя и тетя Женя получили квартиру, и соседкой стала одинокая мама с девчонками Ирой и Ниной, шестнадцати и восемнадцати лет. Начался коммунальный ад. Эти женщины были постоянно в борьбе. За места на кухне, за конфорки на газовой плите, кому идти в туалет, кто

должен занимать ванную комнату. В какой-то момент в ванной неожиданно появились утки и сено. Был и такой эпизод. Соседи не понимали, что ванна – для того, чтобы мыться. Сколько платить за свет? В квартире появились две отдельные электропроводки, два счетчика, два отдельных освещения в местах общего пользования. Женщины боролись за свое место под солнцем так, будто это был «их последний и решительный бой». Крики, споры. Наши вещи сдвигались без объяснения, иногда выбрасывались. Холодильников тогда не было. Продукты и приготовленная пища хранились между дверьми или за окном. Время от времени нам в обед подливали какую-то дрянь. Через пару лет младшая, хорошенькая, склочная Ира вышла замуж за военного; ее мужа мы редко видели, он больше бывал в части, зато появились двойняшки – мальчик и девочка. И куча пеленок, развешанных буквально везде. Это добавило женщинам аргументов в их постоянной борьбе за свои законные права. Как моя мать все это выдерживала? Как сохраняла спокойствие? Мудрость, доброжелательность и выдержка сделали чудо. Прошло время, сестрички получили отдельное жилье. Их мать сохранила за собой комнату. Она теперь редко появлялась на Литейном. Больше времени проводила с дочерьми, помогала им устраивать свою жизнь. Со временем она уехала насовсем. Но долгие годы после этого она еще приезжала к Любви Львовне, иногда – одна, иногда – с дочерьми. Чтобы поговорить. Поделиться. Посоветоваться, как посту-

пить. Я, конечно, не участвовал в отгремевших коммунальных баталиях, но слышал краем уха тихие разговоры родителей о проблемах, которые нам создавали сквалыжные соседи. А потом был свидетелем нерукотворного чуда, сотворенного ангельским терпением моей матери. Мало хорошего в этой коммунальной экзотике. Теперь – экзотика, тогда – правда жизни. И школа жизни. Как ни посмотри – тоже мои университеты.

Дворовые университеты. Так было принято: после школы – сразу во двор. Дети старались побольше времени проводить на улице. Уроки можно и позже сделать. А на дворе – друзья. Через второй двор можно выйти к широкому Баскову переулку. Там катались на велосипедах. Нас было трое друзей: Алик, Вовка и я. Учились в одном классе. Бегали в одном дворе. Вовка жил в комнате с родителями, со старшей сестрой и ее мужем. По ночам подглядывал, как они занимались любовью, а днем нам докладывал обо всем, что удалось увидеть. Сохранилась фотография – мы втроем, обнявшись, в пионерских галстуках, счастливые. Держались вместе. Невысокий, кряжистый Алик был из нас самым сильным. Мы часто мерились силой на руках – кто кого. С Аликом не могли справиться более рослые ребята из старших классов. Играли в слона. Одна группа изображала слона, другая запрыгивала на слона и старалась удержаться, не упасть. Игры были разные. Боролись. Если кого-то из нас троих начинали теснить мальчишки, тут же прибегали двое

других. Нет, это не были серьезные стычки – возились, боролись в шутку, со смехом, кто кого. Но о серьезных стычках мы знали. Заходили иногда в многочисленные дворы Баскова переулка, Артиллерийской улицы. Они соседствовали с Мальцевским рынком. Там собиралась местная шпана. Договаривалась идти бить Лиговских. Или на Ваську. Слышали мы и о таких баталиях. Считалось, что Лиговские тогда были самые крутые. Они сами иногда приходили на Басков и навели шорох. Бывала там и посерьезней публика. Приблатненные договаривались взять мясо на Мальцевском рынке. Ограбить мясной прилавок. Всем известны были пути отхода проходными дворами и сквозными подвалами. Долетал до нас и непонятный говорок этих фартовых ребят. Феня и обсценная лексика сами собой понемногу занимали место в нашем сознании. И матерные шутки-прибаутки. Вроде услышал мельком, а оставалась эта ерунда в памяти на всю жизнь. Детские впечатления – самые устойчивые. Рад бы не вспомнить потом, а никак – невозможно забыть «о голом заде макаки». Типа: «нас рано, нас рано мама разбудила, с раками, с раками супом нас кормила...» или «мы пук, мы пук, мы пук цветов сорвали, мы пёр, мы пёр, мы пёрли их домой...». Конечно, и покруче были прибаутки. Можно сказать – совсем крутые. Шпана показывала нам, зеленым, неискушенным малолеткам балисонг – нож-бабочку. Научила играть в битку. Впечатления оставались. Но романтика эта нас всерьез не увлекла. Не оставила заметного следа в наших неиспор-

ченных детских душах. Мы были такие дурачки. На дополнительных занятиях английским всерьез уговаривали учительницу написать Черчиллю письмо типа «Churchill is a fat pig» (Черчилль – жирная свинья). Ближе к старшим классам среди нас уже появлялись более тертые, «опытные» в вопросах взрослой жизни. Толстый, круглолицый Юрка Журавлев старался показаться самым отвязным. Он приносил из дома боевой пистолет своего отца, заряженный патронами, и хвастался им в туалете. Однажды, случайно разрядил пистолет в кармане. Пуля обожгла кожу бедра, но ничего всерьез не повредила. О девочке, которая ему нравилось, он говорил небрежно, лениво потягивая папиросу: «есть за что, есть во что, было б чем». «Крутой» Юрка после школы подался в милицию, сдавал за деньги зачеты по боевому самбо. Не сделал в милиции карьеры. Еще молодым мужчиной был уволен из ее рядов по зрению.

И с Юркой, и с Аликом, и с Вовкой мы дружили, пока я не перешел в другой класс, класс с английским языком. А они перевелись в другую школу. С тех пор мы редко встречались. Детская дружба не всегда оказывается прочной. Однажды, когда я был уже студентом, мы встретились с Вовой. Он скептически осмотрел меня. Что он мог увидеть такого особенного в моей обычной, весьма скромной одежде? «Ну, как дела, господин Кругосветов?» – с иронией спросил он. Вопрос, который не требовал ответа. Что случилось, почему я стал для него «господином»? Мне казалось, что ни за-

носчивости, ни барства во мне не было. Я не в обиде на Вовку. Откуда ему, обычному парню из рабочей среды, было знать, насколько непросто, очень даже непросто складывалась жизнь нашей семьи в пятидесятые годы?

До сих пор мне непонятен этот его вопрос: «Как дела, господин Кругосветов?» Видно причину надо искать в судьбе самого Вовки. А она мне неизвестна. Не знаю ничего о его судьбе. Хотя мог бы и знать. Видно, не так уж он был неправ. Господин Кругосветов успешно закончил школу, без труда (по его, Вовкиному мнению) поступил в институт, имел повышенную стипендию. Зачем ему, Кругосветову, интересоваться теперь друзьями детства?

Новый класс – новые друзья. Как раз в то время объединяли мужские и женские школы. Появились девочки. Детская дружба стала отходить на второй план. Первым в нашем классе о любви заговорил Вадик Лапинский. Смешной, в очёчках, маленький носик картошечкой, вывернутые вперед губки. Он влюбился безответно в нашу первую красавицу – Верочку Бронштейн. Каждый день провожал ее домой. А когда над ним подсмеивались, говорил: «какие вы все-таки дураки, никто из вас даже понятия не имеет, что такое любовь». Не знаю, как во всем остальном, но такие его высказывания Верочка поддерживала и одобряла.

Я пошел заниматься греблей. Поступил в старинный гребной клуб «Энергия». Клуб был основан в 1911 году. Греб я в том самом клубе, который подробно описал Алексей Нико-

лаевич Толстой в «Гиперболоиде инженера Гарина». Добирался до Крестовского на трамвае номер двенадцать. Выхожу на Литейный, вижу: мой трамвай зигзагом протискивается с Некрасова на Белинского. Бегом, огромными шагами наискосок пересекаю Литейный, успеваю догнать трамвай на последнем повороте и вскакиваю на подножку. Прекрасная пора. Летом, помимо тренировок, катаемся на фоханах, купаемся в теплой Крестовке, отделяющей Каменный остров от Крестовского. Прыгаем с моста в ту же Крестовку. «Энергия» – родной дом для членов клуба. Где в свое время выросли и окрепли потрясающие спортсмены. Мачигина, Тюрин, Золин, Федоров. Слава советского спорта. Где теперь этот клуб? Возродятся ли когда-нибудь репутация, популярность, имя ленинградского гребного спорта? Все снесли. Несколько лет назад жилые и административные здания, земельный участок клуба были отданы, чтобы построить жилье для сотрудников аппарата и судей Конституционного суда РФ. Нет больше клуба, где бывали инженер Петр Гарин и славный советский сыщик Василий Шельга. А могли бы и сохранить. Не бережем своего прошлого. Своей истории.

Времени хватало только на школу и на спорт. Дворовые университеты закончились. Что запомнилось? Больше всего осталось в памяти, как в те времена я дружил с маленькой детворой. Мне нравилось во дворе возиться с малышами. Младше меня лет на пять-шесть. Мы залезали на широкий подоконник в парадной. Я читал им детские книжки.

А еще рисовал «кино». Чтобы получилось «кино», бралась длинная ленточка бумаги, складывалась пополам, на верхних сторонах каждой половинки рисовались два похожих рисунка. Например, дед ударяет метлой козу. На одном – он опускает метлу на голову козы, на другом – поднимает метлу, а коза ударяет его рогами в живот. Верхний рисунок наматывался на карандаш. Если двигать карандашом вправо-влево, рисунки быстро сменяют друг друга, и мы видим движущееся «кино» из двух кадров. Прекрасная забава. Малышам очень нравилась. А еще по заказу рисовал зверей, мамонтов, домики, крокодила, который «солнце проглотил», и многое другое. Школа любви к детям – тоже, наверное, мои университеты.

О самой школе нечего сказать. В школе было все хорошо, благополучно. Учился я легко. Закончил с золотой медалью. Спортом занимался. Вышел из школы в жизнь – и первый удар. Первая встреча с жизнью – вступительные экзамены. В тот год медаль не освобождала от экзаменов, даже льгот не давала. Мать очень волновалась. Одеда меня скромно-прескромно, в старенький пиджачок, чтобы не выпячиваться. Знала, что для таких, как я, то есть, для космополитов, как тогда говорили, есть ограничения на прием. Все экзамены сдал прекрасно. Теперь, последний. Сочинение. Выбрал ту же тему, что и на выпускных экзаменах в школе. Где все было сделано без ошибок. И за которую получил в свое время пять. Я совсем не волновался. Память прекрасная. Я написал

сочинение, как в школе, один к одному, тщательно проверил и сдал с легким сердцем. Получил тройка. Полная неожиданность. Как это могло получиться? А не проверишь, не оспоришь. Вот тебе и Хрущевская оттепель!

Два года уже было этой Хрущевской оттепели. А если с 53-го, то пять. Да какая оттепель? Одно название. 56 год – XX съезд. О культе личности. О мирном сосуществовании двух систем. Сближение с оппозиционной Югославией, отношения с которой были разорваны при Сталине. И в том же году – подавление «контрреволюционного Венгерского восстания». В 57-м – постановление об активизации антисоветских элементов, значительное увеличение числа осужденных за контрреволюционные выступления. За любые критические высказывания студентов выгоняли из институтов. 58 год – массовые выступления в Грозном. В конце 58-го года в связи с присвоением Пастернаку Нобелевской премии печать открыла военные действия против поэта. Его обвиняли в предательстве, называли Иудой, отщепенцем, сорняком, лягушкой в болоте... «Народ не знал Пастернака как писателя... он узнал его как предателя...». «Я книгу не читал тогда и сейчас не читал». «Ярчайший образец космополита в нашей среде».

Будущий патриарх КГБ товарищ Семичастный, тогда еще первый секретарь ЦК комсомола, прославился словами: «Даже свинья не гадит там, где кушает».

Я пропал, как зверь в загоне.
Где-то люди, воля, свет,
А за мною шум погони,
Мне наружу ходу нет.

Б. Л. Пастернак («Нобелевская премия», 1959 г.)

А до этого: 53 год – подавление протестных выступлений в ГДР, 56 год – в Польше, в Тбилиси, активизация антирелигиозной борьбы, уничтожение церквей.

Чего мне роптать? Трояк за сочинение. Какие пустяки! Тем более что для меня все, в конце концов, обошлось. На математике и физике отсеялось много абитуриентов, и проходной бал оказался достаточно низким. Я поступил. Но полслевкусие осталось. Я забыл об этой оборотной стороне жизни до окончания института, до окончания студенческих лет, лучшей, прекраснейшей поры юности. Вот это были университеты. Самые счастливые в моей жизни университеты.

Агитбригада – любовь моя

И все-таки оттепель. Весна ведь не сразу берет свое. Мы зачитывали до дыр «Стихи», первый послевоенный политический бестселлер «тихого классика» Леонида Мартынова. «Вот он, корень, корень зла! Ох, и черен корень зла. Как он нелицеприятно смотрит с круглого стола, этот самый корень зла!». Уже состоялись поэтические вечера в Политехническом. Такая вот особенная советская свобода. «В Америке, пропахшей мраком, камелией и аммиаком, в отелях лунных, как олени, по алюминиевым аллеям, пыхтя как будто тягачи, за мною ходят стукачи – 17 лбов из ФБР, бр-р!...». «Душа, как брючки, стала узкой, пустой, как лестничный пролёт...». «Охотники за штанами, любители тряпок стильных, слышу ваши стенанья у интуристских гостиниц. Слышу ваше посапыванье и вкрадчивые голоса: “Сэр, уступите запонки...”, “Мистер, продайте носки...”». Лучшие поэты того времени. Вознесенский, Евтушенко, Рождественский. Совесть эпохи. А такую ерунду писали. Но все равно, многое нравилось из того, что они писали, очень даже нравилось. Это была уже свобода. В комитете комсомола института тусовались самые продвинутые ребята. Здесь всегда можно было узнать что-нибудь новенькое. Ты слышал песни Булата? Не знаешь? Запиши – Агужава. Правильно.

Я выпускал Студенческие Окна Сатиры (СОС). У меня

уже был подобный опыт: в последних классах школы я выпускал газету Окна Сатиры (ОСА). СОС выходили раз в месяц. Я вывешивал на огромной стене холла второго этажа института десять-двадцать листов первого формата. Где клеймил лентяев, лоботрясов. И, конечно, стилияг, танцующих рок-н-ролл. Из комитета комсомола мне приносили темы, стихи. А я придумывал композицию и лихо рисовал. Конечно, это было очень наивно. Но СОС, тем не менее, пользовались успехом. Их рассматривали, смеялись. Спрашивали, о ком написаны стихи. Особенно нравились танцующие стилияги. Я рисовал их особенно увлеченно и даже, я бы сказал – с большим удовольствием. Тогда я танцевать не умел. Но через несколько лет появился твист, и я стал его страстным поклонником. Мы с друзьями танцевали этот спортивный и довольно нелепый танец ночи напролет. Из выпусков СОС мне самому запомнился такой плакат собственного изготовления. На плакате изображены два огромных, безобразно смеющихся лица. Студентов, проходящих производственную практику. Надпись: «Забыв о станках и о службе рабочей, Кайданов и Козырев дружно хохочут. Страна подождет, подождет и завод. Вот только б еще посмачней анекдот». Я, конечно, не знал, ни кто такой Кайданов, ни кто такой Козырев. Знал, что студенты старших курсов. Лет через десять после окончания института я по работе встретился с Толей Кайдановым, кандидатом наук, серьезным специалистом из отдела теплотехники. Напомнил об этом пла-

кате и признался, что сам его и нарисовал. «Я тогда очень обиделся, – сказал Толя, – это было совсем несправедливо». Сколько достойных людей мы, сами того не сознавая, походя и незаслуженно обижаем и даже раним. Прости меня, Толя Кайданов. Не ведаем, что творим.

На память приходит такой эпизод. В комитете бушуют страсти. Большая, полная, некрасивая девушка до смерти влюбилась в комсорга института. А он – красавец, атлет. Мастер спорта по десятиборью. Правильный парень. Человек системы. Член партии. Так влюбилась – ничего ей в жизни не надобно, кроме как – подайте ей этого комсомольского вожака. На блюдечке с голубой каемочкой. А она-то ему и даром не нужна. Ну, совсем не нужна. Смех, да и только. Однако выяснилось, что дело нешуточное. Девица, обезумевшая от неразделенной любви, пыталась утопиться, в полынью бросалась. Не знаю, чем все кончилось. То ли – совсем трагически. То ли увезли куда-то неадекватную барышню. Концовка неизвестна. Дело темное. Досадно, ой, как, досадно! Чуть не испортила она образцовую карьеру нашему герою. Однако же, не испортила, насколько я знаю. Досадное недоразумение, и только. Далек пошел, добрый молодец. Поогорчался немного – может, и не огорчался – да и пошел дальше своей дорогой. Так что не всегда так уж хорошо, когда тебя слишком крепко любят. Фарс. С одной стороны, довольно неестественный герой, слепленный по лекалам кодекса строителей коммунизма. С другой – «И Вертер, мученик мятеж-

ный, и бесподобный Грандисон, который нам наводит сон, – все для мечтательницы нежной в единый образ облеклись, в одном Онегине слились», хотя вряд ли барышня наша читала Ричардсона.

В комитете висит плакат: «Остановись, товарищ, стой, в агитпоход пойдешь зимой? Лишь «да» хотим услышать в ответ. Пиши заявление в комитет». В первую же свою студенческую зиму отправляюсь в агитпоход. Мы идем на лыжах по селам Ленинградской области. Даем концерты. Кто поет, кто танцует. Мой сокурсник аккомпанирует на аккордеоне. Не помню, что же я там делал? Наверное, был ведущим концерта. Длинный, худой. Деревенские девочки после концерта подсмеиваются надо мной. Одна другой кричит через весь зал: «Мань! А, Мань! Иди, проводи Сашка до дома. А то он замерзнет на морозе». «Чего орешь, егоза, – кричит другая, – я его провожать буду. Я Сашка первая заякорила». В агитбригаде часть – из нашего института, часть – из консерватории. Для нас это девочки и мальчики из другого мира. На ночь нам выделяют теплую хату, где мы располагаемся на ночлег. Всю ночь говорим друг с другом. Кто-то обнимается. Первый поход помню плохо. Вспоминаю только, что через пару дней к нам присоединился Станислав, студент из консерватории. Он был года на три старше нас. Зачем он так хотел поучаствовать в этом неясном мероприятии? Как-то неудачно добирался и обморозил себе кисти обеих рук. Через пару дней пришлось отправить его в город. Тем и запом-

нился. Станислав Горковенко. Теперь известный дирижер.

В последующие годы бригада собиралась уже без консерваторских студентов. У нас сложился почти постоянный состав. Организатором и руководителем была Фаечка. Откуда имя такое – Фаина? В татарских, башкирских семьях детям могли давать такие имена. Татары, башкиры, русские, евреи, какая разница? Нас это не интересовало. Активная была девочка. На два курса старше нас. И путевку от комитета комсомола получала, и маршрут разрабатывала, и с колхозами созванивалась, и студентов способных рекрутировала, и репертуар готовила, проверяла и прослушивала номера. И самая голосистая была, и пела лучше всех. Какой мог быть у нас репертуар? Хор всех участников агитбригады. Народные танцы. Популярные песни из кинофильмов. Фольклор. Всякие смешные инструменты: дудочка, мандолина. И, конечно, неизменный аккордеон. Я готовил декорации на обоях. И нес их огромным рулоном за спиной при переходах из деревни в деревню. Прямо на сцене рисовал ретушным карандашом на ватманских листах мгновенные портреты. Что такое ретушный карандаш? Это уголь в деревянной оправе. Тексты писал – в основном, юмористические. Много делал из наших бригадных дел. Интересно было. Да и Фае хотелось понравиться.

Принимали нас в деревнях радушно. Студенты из города приехали. Интересно. И потом – ребята и девчата наши уж очень хорошо пели. Я дружил с Сашей Муретовым. Обая-

тельный, одаренный юноша. Очень музыкальный, он пел в дуэте, играл на различных инструментах и даже в одном из номеров танцевал чечетку. Мы с ним подготовили номер дуэтного художественного чтения. Номер назывался «Слухи». Этот текст читали известные уже в то время Лившиц и Левенбук. Позже, в семидесятом году они вели популярную передачу «Радионяня». Сейчас Александр Семёнович Левенбук – народный артист РФ, художественный руководитель московского театра «Шалом». Текст «Слухов» был опубликован, и мы самостоятельно, по-своему поставили довольно живой, веселый номер. «Слухи» пользовались неизменным успехом. Как-то нас прослушивали профессионалы и тоже дали высокую оценку номеру. Да и весь наш концерт был, видимо, неплох. Конечно, это была самодеятельность. Но довольно добротная. Ребята подобрались певучие, голосистые. Добавьте к этому студенческий энтузиазм. Плюс – мы все дружили и любили друг друга. Плюс – веселый нрав большинства парней и девчонок из нашей компании. Маршруты выбирались разные. Был маршрут по Дороге жизни, по которой в войну доставлялись грузы и продукты в блокадный Ленинград. Зимний маршрут. Легендарные Назия, Лаврово, Кобона. Был летний маршрут по Гдовскому району Псковской области. Вдоль берега Чудского озера. Очень красивые места с белыми песчаными пляжами и огромными валунами, выглядывающими из песка.

Конечно, случилось немало комических эпизодов. Одна-

жды с нами захотел поехать гимнаст Витя, крепкий перво-разрядник. Мы называли его Витя Табурлеточка, потому что как-то в перерыве между концертами ему захотелось отдохнуть, и он прямо на сцене устроился полежать на шести табуретках. А еще – потому что он немного картавил. Добрый, симпатичный, приветливый парень. Было во всем его облике что-то комичное и немного нелепое. Что-то от скомороха. С ним постоянно что-нибудь случалось. Сельские сцены были сколочены кое-как, из отходов, доски – неровные. Вите обязательно хотелось показать класс. А тут – то нога поскользнется, когда он делает рондат-сальто. То половица качнется, когда он делает стойку на одной руке. И наш Витя Табурлеточка, к огромному восторгу зрителей, с грохотом падает в самый ответственный момент. Мы, стоящие за сценой, тоже, конечно, не можем удержаться от улыбок. Девчонки тихо прыскают в кулачок. Я встретился с Витей лет через десять-пятнадцать. К тому времени он защитился, стал кандидатом наук, серьезным специалистом. Увлекался прыжками с трамплина. Он был уже не новичок в этом деле и прыгал с очень большого трамплина. Не с самого большого, Кавголовского. Но, все равно, это была какая-то ужасающая громадина. Я смотрел с опаской на его крошечную, комичную, скоморошескую фигуру, когда он на вершине этой рукотворной горы готовился к прыжку. Вот он мчится по спуску трамплина, выпрыгивает, отрывается, летит и, как всегда немного коряво, благополучно приземляется. Уф-ф! Не могу я на

все это смотреть. Будь здоров, Витечка, пытай свое «табурлеточное» счастье без меня.

Однажды, во время концерта я подшутил над нашей солисткой. Худенькая трогательная девочка с Украины, Лариса очень хорошо пела народные песни. Она должна была исполнить довольно грустную песню «И чего тикаты?» (зачем бежать?). Я вышел и объявил – певица такая-то, украинская народная песня «И чего ты, Катя?». Лариса вышла вслед за мной, с трудом сдерживая смех. Не сразу смогла настроиться на исполнение песни. Аккомпаниатору пришлось трижды повторить вступление. Однако, доброжелательные зрители легко нам все прощали.

Как-то в летнем походе со мной случилась история посерьезней. Я бы сказал – трагикомическая история. Мы должны были переехать через большую озерную губу из одной деревни в другую. На противоположной стороне был виден купол церкви той деревни. До нее было довольно далеко, километра полтора – два. Все отправились на лодках, а я отдал свои вещи и решил переплыть залив. Решил погеркулесить. Ко мне примкнул наш товарищ, Дик Филанович. Вода оказалась довольно холодной. Но от идеи заплыва мы не отказались. Я подумал – поплыву быстрее, согреюсь. Как потом выяснилось, не рассчитал силы. Некоторое время нас сопровождали лодки. Проплыли метров триста, Дик решил все-таки сесть в лодку. Я продолжил заплыв в одиночку. Понаблюдав мой бодрый брасс, друзья решили не ждать и ушли на

лодках вперед. На полпути почувствовал, что замерз. Стало сводить икры. Вскоре я уже не мог работать скрюченными от судорог ногами. Было очень больно. Я осмотрелся и увидел в стороне островок. Направился к нему, гребя только одними руками. Кое-как добрался до суши, выполз на берег. На ветру было еще холоднее, чем в воде. Нашел место, где камыши закрывали от ветра, улегся на песок, и, пригревшись на солнышке, заснул. Проснулся от криков над заливом. Не дождавшись на противоположном берегу, друзья вернулись на одной из лодок, чтобы разыскать меня. Я был спасен. Казалось бы, инцидент исчерпан. Однако, вот вам комичное продолжение. Еще в лодке почувствовал: что-то со мной неладно. Вспомнил, как утром селяне потчевали нас взрывчатой смесью свежих огурцов с молоком. Переохлаждение, видимо, ускорило нежелательные процессы. К вечеру я был в хламе. Нужно объявлять начало концерта. Объявил и рванул в кусты. Слава богу, вечер был темным. Чуть привел себя в порядок – надо объявлять новый номер. Весь вечер метался между сельским клубом и спасительными зарослями. Только через несколько дней по приезде домой мне удалось как-то успокоить свой взбунтовавшийся живот. Чувствовал себя посредственно, а выглядел отвратительно. И смех, и грех.

Как ни странно, именно в эти последние дни путешествия проявился интерес Фаечки к моей скромной персоне. Фая не была красавицей. Но, пухленькая, живая, с восхитительной улыбкой и нежными губами. Поездка закончилась, про-

грамма выполнена. Мы решили отметить это событие своей компанией. Встретились у кого-то дома. Прощальный вечер. Еще до поездки Фая защитила диплом и теперь должна была уехать по распределению куда-то в Сибирь. После вечеринки пошли гулять по городу. Мы с Фаей убежали от всех, бродили до утра по красивому ночному Ленинграду. Целовались. А куда мы могли податься? К моим родителям в коммунальную квартиру, или в ее коммуналку? Куда в те времена могли пойти парень с девушкой? А молодожены, такие, как Миша с Верой, куда могли податься? Потому и говорили, что в Советском Союзе не было секса. В те годы уже был. В ДК Кирова на танцы девочки приходили без трусиков, и парочки устраивались за портьерами, решали свои вопросы прямо в зале. ДК Кирова был центром распространения венерических заболеваний. Так что секс был уже. Но не для нас. Это не то, что могло подойти нормальному парню и нормальной девушке. Фая уезжала через два дня. Мы пришли ее проводить. Я принес какой-то неудачный, нелепый подарок. Больше мы не виделись. Почти и не переписывались. Если бы я мог сейчас встретить того неоперившегося четверокурсника, витающего в эмпиреях, читающего странный микс из «Науки и жизни» и греческих трагедий, я посоветовал бы ему быть ближе к земле и серьезно присмотреться к Фаечке, восхитительной молодой женщине от мира сего. Даже, если бы я мог... Студент этот не послушал бы меня. Бесплезно рассуждать «а если бы...», о прошлом не надо сожалеть. Я вспо-

минаю ночную прогулку по прекрасным набережным – красивый заключительный аккорд моей агитбригадной эпопеи. Фаечка уехала. Кусочек моего сердца уехал вместе с ней. Не было у нас больше агитпоходов. Все расплзлись в разные стороны. Прощай, Фаечка. У меня начинается новая жизнь.

Новая жизнь началась не сразу. По инерции пытался еще жить как прежде. Придумывал новые номера, выступал на студенческих вечерах. Один. Без Сашки Муретова, тот в музыку подался. Я писал тексты и участвовал в КВНах от нашего института. Вроде – все неплохо было.

А не то. Бледное повторение пройденного. То ли Саши Муретова не было, то ли – Фаечки, нашей заводилы. Не было запала, задора. Пропал кураж. Нельзя войти дважды в одну и ту же реку.

После сдачи зачетов по линии военной кафедры нас направили на месячные сборы в Североморск. Мы изучали оборудование и вооружение минно-торпедной боевой части (БЧ), такова была наша военная специализация. А также выполняли обязанности матросов палубной команды. Одетые в матросские робы и береты, мы мыли палубу, драили медяшки, чистили картошку, мыли посуду. Приняли присягу. Стали лейтенантами. На кораблях нам понравилось. Только еды было маловато. Все время есть хотелось. Тем, кто был ростом от ста девяносто, давали двойную порцию. До двойной порции мне не хватило трех сантиметров. Мы давали концерт для моряков. Сценой была палуба. Я тоже участво-

вал. В красивой фланелевке, которую выдавали на выходные и по праздникам, с гюйсом, в шикарных клешах с поясом и с бескозыркой на голове. Я читал «Слухи», рисовал портреты. Это было последнее мое публичное выступление. На выходные нас отпускали на берег в город или на сопки – погреться на нежарком приполярном солнце, подкормиться морошкой. Несколько человек из наших набедокурили в городе – то ли без документов вышли, то ли выпили. Патруль хотел задержать. Куда там, рванули врассыпную, разве догонишь классных бегунов, мастеров спорта. Из шалунов получились потом серьезные люди: были такие, что пошли служить в армию, иные возглавили крупные предприятия, кто-то уехал за рубеж, теперь миллионерствует в Америке. Мог ли я тогда догадаться, что совсем рядом, всего в пятнадцати километрах от Североморска, на другом берегу Мурманского залива Баренцова моря, в Полярном, главной базе военно-морского флота, ходит моя судьба? Девочка Ира. Дочь Михаила, командира подводной лодки, и его жены Веры. Младше меня на десять лет. Девочка, которую я встречу еще нескоро, через пятнадцать с небольшим лет. Ира, нежная, ранимая, впечатлительная, прилежная, терпеливая рукодельница, всегда с книжкой, всегда и во всем отличница. Полная противоположность своей матери – довольно ленивой, довольно самоуверенной, довольно нахрапистой, набравшей силу командирской жене. Но тогда я ничего этого, естественно, не знал. Еще мне предстоит прожить эти непростые, беспокой-

ные, бурные пятнадцать с небольшим.

После окончания института несколько человек из нашей агитбригады, помимо работы по профессии, серьезно увлеклись музыкой. Среди них, конечно, был Саша Муретов. И его жена Светочка, тоже из нашей компании. Они посещали занятия Хора любителей пения, созданного профессором Елизаветой Петровной Кудрявцевой. Первой женщиной-дирижёром не только любительского, но и профессионального хора в России. Светлая женщина была, пусть земля ей будет пухом. Я с удовольствием ходил на их концерты. Долгие годы мы поддерживали такую традицию – ежегодно 7 марта собираться всей агитбригадой дома у одного из нас, вспоминать песни юности и петь их под фортепиано. Где вы сейчас, друзья моих студенческих лет? Ах, что это были за ребята! Нигде больше не вижу таких, не встречаю. Другие времена, другая молодежь. Вымерли романтики, светлые люди, чистые помыслами и делами, бескорыстные парни и девушки, пришедшие из пятидесятых, вымерли как мамонты и мастодонты. А тогда было их время. Время людей шестидесятых годов. Может быть, и не исчезла совсем порода романтиков. Где-то живут, любят, работают их дети и внуки. Такие же, как их отцы и деды, я уверен. Только хорошо замаскировались. Дети и внуки людей шестидесятых. Если хорошо присмотреться, мы их обязательно вычислим, найдем и узнаем.

Пока еще не оттепель

Вначале, когда наступили шестидесятые, мы даже не догадывались, насколько это значительный период в жизни страны. Шестидесятые набирали ход незаметно, понемногу. 61-й – полет Гагарина, начало эры пилотируемой космонавтики. К 64-му на большей части территории страны стало работать телевидение. Происходили какие-то другие события, на которые мы вначале не обращали внимания. Не придавали им значения. У нас в институте на кафедре физики появился странный преподаватель. Худой, изможденный. Не знаю, в каком потоке он вел занятия. Может, и не вел нигде. Никто ничего о нем не говорил. Иногда можно было услышать вскользь непонятное «оттуда». Теперь мы понимаем, что такое «оттуда». Люди возвращались из лагерей.

Но здесь, на воле мало что изменилось. Очередное напоминание об этом – специально подготовленное для небожителей, каким я, безусловно, оставался еще долгое время, – было получено мною после окончания института. Распределение прошло благополучно. У меня самый высокий бал на курсе, я могу выбирать, куда распределиться. В соответствии с распределением вышел на работу первого сентября. В отделе кадров учреждения сказали, что мне в трудоустройстве отказано. При распределении не было отказано, теперь отказано. Причина понятна. Щелкнули по носу. Я – в институт.

Там звонки, скандал, переговоры. Тоже не дети, понимают, откуда ноги растут. Перераспределили. В ЦНИИ «Гранит». Получилось не хуже. Даже лучше. Работа интересная. Окунаюсь с головой. Но послевкусие осталось.

Во дворе здания на Манежном висит перетяжка «Коммунизм неизбежен!». Перетяжка выгорела на солнце. Фон стал светло бурым, а буквы, которые когда-то, видимо, были красными, стали блекло зелеными. Этот духоподъемный плакат я наблюдал почти пятнадцать лет.

Однажды мне довелось объехать вокруг Каспийского моря и посетить поселок Бекдаш, построенный недалеко от легендарного залива Кара-Богаз-Гол, «залива черной пасти». Посетить Красноводск (ныне Туркмен-Баши). В предвкушении поездки открыл повесть «Кара-Бугаз» Паустовского, написанную в 1932 году. Читал о розовой пене раковой икры на берегах залива. О стаях розовых фламинго. Один из героев повести говорит, что после строительства комбината по добыче минеральных солей и нефтеперегонного завода действительность превзойдет все ожидания. Кара-Бугаз и эти проклятые пустыни убьют закон энтропии. Советские люди бросят дерзкий вызов космическим законам, превратят солнечную энергию в электричество, край расцветет так, как никогда не цвели самые пышные сады. Одолевать пустыню тяжело, когда человек делает это ради своего месячного оклада, объясняет герой. Работа в пустыне – дело славы, дело высокого племени новых людей. Не упускайте из виду

далеких горизонтов. Скулят лишь близорукие. Воспитайте в себе чувство времени и чувство будущего, говорит герой повести. Интересно, что я увижу? – думал я. Комбинат и завод уже построены. Всю ночь на пароме из Баку в Бекдаш меня преследуют видения городов из сверкающего радугами стекла. Города поднимаются из моря и отражаются в зеркалах заливов нагромождениями хрустала и теплых неподвижных огней. Над ними разгораются летние рассветы. Рассветы в Красноводске и Бекдаше опустили меня на землю. Море напоминает лужу – низкие глинистые берега, высыхающие мели. В портах – лес кранов. «Портальные краны, портальные краны, я выполню с вами квартальные планы». Жалкие, обшарпанные промышленные строения. Покосившиеся, запыленные, убитые деревянные хибары. Торчащее из земли искореженное железо. Ни деревца, ни листочка, ни травинки. Ни обещанной розовой пены раковой икры, ни фламинго. Пустыня. Нефтеперегонный завод выбросил целое море грунтовых вод, заливших зловонной жижей несколько квадратных километров. Бесконечные мертвые озера со следами нефти. Редкие трупы фламинго. Над всем этим висит желтая соляная мгла. И огромные выцветшие, запыленные перетяжки на зданиях. «Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество». «План – закон. Выполнение – долг. Перевыполнение – честь. Качество – совесть». «Коммунизм – светлое будущее человечества». Наглядное свиде-

тельство, какое нас ждет светлое будущее.

Стоит ли этому удивляться? Мы – монополисты самой передовой идеологии, мы научим весь мир, как надо жить. Маоистский Китай, правда, нос задирает, осуждает нашу праведную борьбу с культом личности. Китай – нам не указ. Империалисты проклятые – тем более. 60 год – Хрущев стучит каблуком плетеной сандалии на Ассамблее ООН: «Я вам покажу кузькину мать!». Кто эта «мать Кузи»? – не могут понять дипломаты иностранных держав, непонятно, но страшно. На том же заседании Хрущёв называет филиппинского докладчика, требовавшего, чтобы Советский Союз освободил свои колонии, «холуём американского империализма». Народ отвечает привычной частушкой: «А сам народной водки выпил много, Петровну к светской жизни приучал. Он в Индии дивился на йога, на Ассамблею каблуком стучал». 61 год – показательный расстрел трех валютчиков Рокотова (кличка Косой), Файбишенко (Червончик) и Яковлева (Дим Димыч) по закону, принятому после совершения преступления. Рокотова не спасло и то, что он был осведомителем ОБХСС и сотрудничал со следствием. Такая вот специальная «оттепель» для валютчиков!

57 год – проведение фестиваля молодежи и студентов в Москве. С целью пропаганды, так сказать, советского образа жизни и укрепления дружбы народов. Получилось неплохо, дружбу народов, безусловно, укрепили – вскоре в Москве у белых мамочек появились чернокожие детки, новые черно-

кожие коренные москвичи.

Хрущев заявляет, что покажет по телевидению последнего попа в 80 году. Продолжается уничтожение церквей. Это я видел собственными глазами. Каждый день ходил в институт по Сенной площади мимо величественного Спаса-на-Сенной. В один «прекрасный» день вместо второго по размеру и значимости храма Ленинграда – гора каменных обломков. И газетные репортажи – как изящно взорвали, почти ничего не пострадало. Уничтожение храма дало неожиданный эффект. Ансамбль развалился, площадь осиротела. Что только там ни делали в дальнейшем. И обелиск поставили. И огромные торгово-развлекательные центры. И малые архитектурные формы по периметру. Все впустую. Полный волапюк³ – умственности и архитектурной суеты много, а толку чуть.

Трбице-Сѣргиева пѹстынь – православный мужской монастырь на территории Стрельны под Ленинградом, в котором наместником в XIX был архимандрит Игнатий (Брянчанинов), автор знаменитых «Аскетических опытов». На кладбище пустыни похоронены Апраксины, Дурасовы, Мятлевы, Строгановы; здесь упокоились Ольденбургские, Потемкины, Шереметевы, Зубовы, Энгельгардты, Нарышкины, Голенищевы-Кутузовы, Разумовские, князья Зубов и Горчаков, генерал Чичерин, потомки А. В. Суворова. Главным сооружением был красивейший Троицкий собор, построенный самим Растрелли. Взорван в 1960 году. В 1960-е гг. в здания

³ Перен.: мешанина непонятных слов, тарабарщина.

монастыря въехала Специальная средняя школа милиции. Могилы прославленных сынов отечества были закатаны под асфальт, по которому маршировали курсанты. Маршировали Иваны, не помнящие родства. Не понимали, что под асфальт была закатана слава отечества. Тогда же на территории пустыни был разобран Воскресенский собор, взорвана Церковь Покрова Пресвятой Богородицы.

62 год – Карибский кризис, мир на грани ядерной войны. Выступление рабочих в Новочеркасске, подавлено войсками. Хрущев на выставке художников-авангардистов, посвященной 30-летию МОСХа. «Дерьмо, говно, мазня! Вы что, мужики или педерасы проклятые? Все это не нужно советскому народу. Запретить безобразие!». 63 год – воодушевленный выступлением генсека, бывший военный журналист Иван Шевцов выпускает, наконец, в свет лежащую много лет без движения книгу «Тля» о художниках сионистах-абстракционистах, написанную еще в 1949 году в разгар борьбы с космополитами. Шевцов открыл нам глаза на то, что космополиты, как тля, разъедают страну. В свои последние годы этот махровый юдофоб говорил (интервью О. Кашина), что не хотел бы сейчас повторения Брежневских времен. Потому что в Брежневском Политбюро русские жены были только у Кириленко и Долгих. Вот такое объяснение. 64 год – арест Бродского, статьи «Окололитературный трутень», «Тунеядцу воздается должное». Анна Ахматова пророчествует: «Какую биографию делают нашему рыжему!». Поэт сослан

(этапирован под конвоем вместе с уголовными заключенными) в Коношский район Архангельской области. Заступничество Д. Д. Шостаковича, С. Я. Маршака, К. И. Чуковского, К. Г. Паустовского, А. Т. Твардовского, Ю. П. Германа, Ж.-П. Сартра. 65 год – возвращение Бродского в Ленинград. Ему негде жить – никак не прописаться к родителям в «полторы комнаты» в коммуналке в Доме Мурузи на Пестеля. Хрущев критикует термин Эренбурга «оттепель», называет знаменитого писателя жуликом. Никита Сергеевич никогда не стеснялся в выражениях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.